

СЁРЕН КЬЕРКЕГОР

Увы, желание неизменно красноречиво,
и у него под рукой всегда наилучшие решения

Несчастный всегда отсутствует, он никогда
не современен самому себе

Женщина всегда была и остается для меня
неисчерпаемым материалом для размышления,
вечным источником внимательных наблюдений

ДНЕВНИК ОБОЛЬСТИТЕЛЯ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Сёрен Кьеркегор
Дневник обольстителя

«Издательство АСТ»

1843

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Кьеркегор С.

Дневник обольстителя / С. Кьеркегор — «Издательство АСТ»,
1843 — (Популярная философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-126850-3

Сёрен Кьеркегор (1813–1855) – датский философ, теолог и писатель, по праву считается предтечей и одновременно основателем европейского экзистенциализма. Трактат «Или – или» – первое крупное сочинение величайшего христианского экзистенциалиста Сёрена Кьеркегора, в котором автор излагает свое видение этических и эстетических этапов человеческой экзистенции. В настоящее издание включены четыре основные части из этого трактата, которые могут восприниматься как самостоятельные произведения: «Афоризмы эстетика», «Дневник обольстителя», «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-126850-3

© Кьеркегор С., 1843

© Издательство АСТ, 1843

Содержание

Сёрен кьеркегор: От отчаяния к поиску смысла жизни	6
Или – или	10
Предисловие переводчика к первому изданию	10
Афоризмы эстетика	12
Несчастнейший[11]	35
Дневник обольстителя	45
15-го	47
16-го	48
19-го	49
3 июня	50
5-го	50
7-го	51
3 июля	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сёрен Кьеркегор

Дневник обольстителя

© Н.Н. Плужникова, составление, предисловие, комментарии, 2022

© Издательство АСТ, 2022

* * *

Сёрен кьеркегор: От отчаяния к поиску смысла жизни

Мысли философа всегда связаны с его жизнью. Именно жизнь становится невольным свидетелем его философии, а философия всегда свидетельствует о его жизни. Так случилось и с великим датским философом и теологом Сёреном Кьеркегором, сложная и удивительная жизнь которого стала источником его философских взглядов. Возможно, именно поэтому Сёрен Кьеркегор сделал само понятие жизни человека, его индивидуального существования центром своей философии.

В истории философии Сёрен Кьеркегор известен как предшественник экзистенциализма – крупного течения западноевропейской философии первой половины XX века, которое развивалось преимущественно во Франции и Германии. Однако задолго до появления самого понятия «экзистенциализм», которое и переводится с французского как «существование», датский философ поставил это понятие в центр своей философии, придав ему исключительно человеческий, субъективный смысл. Читая труды мыслителя, мы и сами задаемся вопросами, которые он поставил перед нами. Что значит для человека его собственное существование в мире? В чем смысл его существования? В чем смысл его жизни? А что, если моя жизнь бессмысленна? Что делать, если я отчаялся в этом поиске? – именно они стали лейтмотивом философского учения С. Кьеркегора. Однако эти вопросы появились не на пустом месте. Их продиктовала и поставила перед мыслителем сама жизнь, обстоятельства его судьбы.

Сёрен Обю Кьеркегор родился 5 мая 1813 года в Копенгагене. в семье бедного священника. Ключевую роль в становлении С. Кьеркегора как личности и как мыслителя сыграл его отец – Михаэль (Майкл) Педерсен Кьеркегор.

Отец С. Кьеркегора был сложным и властным человеком. Для него была характерна фанатичная религиозность, которая сочеталась с болезненными приступами одиночества и безумия. Однажды, как писал отец Кьеркегора, в порыве отчаяния он даже проклял Бога. И это проклятие дало о себе знать в его жизни: сначала у него умерла жена, потом служанка, на которой он женился после смерти жены – матери С. Кьеркегора. Из семи детей осталось в живых только двое. После смерти жен отец все больше и больше впадал в отчаяние и одиночество, считая, что на семью наложено проклятье от Бога, и стал вести затворнический образ жизни. Такой образ жизни и мышления отца, безусловно, отразился на сыне, воспитанием которого фанатично занимался отец. Сёрен Кьеркегор был младшим из двух братьев и, как утверждал отец, самым любимым. Однако нередко то, что понимают родители под любовью и заботой, для ребенка таковым на самом деле не является.

Отец стремился полностью подчинить себе мальчика, контролировал каждое его действие. Он следил даже за тем, как мальчик одевался в школу. Мальчик рос замкнутым и нелюдимым, в результате чего испытывал постоянные насмешки со стороны одноклассников. Не добавляла радости мальчику и природная угловатость и даже сутулость. Сёрен Кьеркегор стеснялся своей внешности и чувствовал себя изгоем в кругу одноклассников. Дома после школы его ждал суровый и властный отец. Можно представить внутреннее состояние ребенка, который не находит взаимопонимания в мире ни со сверстниками, ни с близкими и родными людьми.

Сёрен Кьеркегор становился все более замкнутым и молчаливым. При внешнем спокойствии внутри его бушевал мир обиды и злости, отчаяния от того, что он ничего не может изменить. Это отчаяние и одиночество в этом отчаянии сопровождали С. Кьеркегора всю его жизнь. Именно о тотальном отчаянии он пишет в одной из своих ключевых работ «Или – или». Обострению этого чувства способствовало трагичное детство, в котором мальчик видел лишь череду смертей, начиная со смерти своей матери.

Отец контролировал не только жизнь мальчика, но и его образование. Когда сыну было 7 лет, отец стал учить его наукам, в первую очередь логике – но той логике, как он ее понимал и которая соответствовала его представлению о мире. Логика для отца Сёрена Кьеркегора была полем битвы в словесном споре, в котором главным умением было в его представлении умение отстаивать и защищать свою точку зрения. В итоге у мальчика с детства развились логические способности. Также отец, который любил путешествовать, рассказывал Сёрену о дальних городах, и мальчик часто, оставаясь наедине с самим собой, представлял себя в том или ином городе. Его живое воображение позволяло ему чувствовать, несмотря на реальное одиночество, свою воображаемую сопричастность миру и другим людям. Можно сказать, что его живое воображение стало способом взаимодействия с миром и в определенном плане психотерапией для ума и сердца, которая давала хоть какую-то опору для самого себя в этом мире.

После окончания школы Сёрен Кьеркегор поступил на теологический факультет Копенгагенского университета. Именно в университете у будущего мыслителя пробудился интерес к философии, которая захватывала его больше, чем теология. Отец хотел, чтобы сын стал пастором. Однако такая карьера Сёрена не прельщала, более того, он хотел освободиться от власти деспотичного отца, поэтому даже не сдавал экзамены в университете на протяжении шести лет.

Когда Сёрену было 25 лет, он испытал духовное потрясение, о котором позже напишет в своих «Дневниках». У него умер отец. Смерть отца сделала его свободным, а также финансово независимым: от отца он получил значительное наследство и сделался одним из самых завидных женихов Копенгагена. После того как Сёрен сдал экзамены в университет, он обручился с Региной Ольсен – девушкой из порядочной датской семьи, однако через два дня после помолвки вернул ей кольцо. Сёрен Кьеркегор терзался сомнениями: чего он на самом деле хочет? Его привлекали литература, философия, и он стремился посвятить себя служению Богу. На фоне этого захватившего его стремления жениться казалась ему чем-то второстепенным и не столь важным, поэтому он решил не жениться.

После разрыва помолвки с Региной Ольсен Сёрен Кьеркегор едет в Берлин, где слушает лекции немецкого философа Ф. В. Й. Шеллинга. Шеллинг, как и Гегель в свое время, оказал большое влияние на философскую систему С. Кьеркегора. По его мнению, философы немецкой классической философии смогли воздвигнуть для человека целый храм рациональности. Однако этот храм оказался столь грандиозным, что в нем невозможно было отыскать человеческую душу. Ведь субъективность, считает мыслитель, не может быть рациональной, поэтому любая рационализация будет ей всегда чуждой. По итогам лекций Шеллинга и переосмысления системы рациональной диалектики Гегеля С. Кьеркегор пишет рукопись «Или – или. Фрагмент из жизни», которая была издана под псевдонимом. Стремление издать рукопись под псевдонимом означало определенную позицию С. Кьеркегора как автора: под псевдонимом Кьеркегор переставал быть автором, он становился таким же читателем, как и все, который мог взглянуть на произведение не со стороны автора, а со стороны читателя, обычного человека. Под псевдонимом было написано и другое произведение – «Дневник обольстителя», посвященное сложным отношениям Сёрена Кьеркегора со своей возлюбленной Региной.

В период 1844–1846 гг. С. Кьеркегор написал целую серию работ, которые были изданы под различными псевдонимами. В 1844 году С. Кьеркегор завершил работу «Понятие страха», в которой связал страх со свободой и осознанием человеком своего существования. После пережитого религиозного откровения в 1848 году мыслитель решил больше не печатать свои произведения под псевдонимами. Дальнейшие годы жизнь мыслителя ознаменовались борьбой с датской церковью. Он основал журнал «Мгновение», в котором обличал лицемерие датской церкви и ее епископов. После подобной критики речи о том, чтобы стать пастором, теперь не могло быть, однако сам мыслитель искренне этого хотел. Всю жизнь он разрывался между верой и разумом.

Нервная система мыслителя на фоне критики датской церкви была подорвана; более того, его бывшая возлюбленная Регина, которую он всем сердцем, несмотря на разрыв, любил всю свою жизнь, вышла замуж и уехала в Вест-Индию, что тоже сказалось на его самочувствии. 11 ноября 1855 года мыслитель умер. Как и часто бывает с великими мыслителями, Сёрен Кьеркегор умер в неизвестности. Вскоре о нем забыли. Однако с появлением экзистенциализма в Германии в начале XX века интерес к его идеям и работам возродился. Многие немецкие философы-экзистенциалисты называли Кьеркегора основателем экзистенциализма. В числе них был и известный французский философ Ж.-П. Сартр, имя которого стало синонимом слова «экзистенциализм».

Рукопись труда «Или – или. Фрагмент из жизни» была привезена мыслителем в Копенгаген в конце 1842 года из Берлина, когда Сёрен Кьеркегор слушал лекции Ф. В. Й. Шеллинга. Именно лекции Шеллинга стали основой написания рукописей, а точнее – критика его философской системы, которую С. Кьеркегор считал такой же рациональной, как и предшествующая ей философия немецких классиков, преимущественно Канта и Гегеля. Именно в этом труде Сёрен Кьеркегор изложил принципы своей индивидуалистической этики. Она состоит из четырех самостоятельных произведений: «Афоризмы эстетика», «Несчастнейший», «Дневник обольстителя» и «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал».

В этом труде, как и в других своих произведениях, Сёрен Кьеркегор задавался проблемой субъективного существования человека. До него философов начиная с античности волновала проблема существования. Однако это была проблема бытия, существования в самом широком смысле, безотносительно к субъективному бытию человека. Проблема бытия как существования единого в мире была впервые поставлена Парменидом. Однако Сократ впервые из всех философов заговорил о субъективном бытии человека. Сёрен Кьеркегор вывел проблему существования на новый уровень: он задался вопросом определить не существование вообще, а определить, что значит для человека его индивидуальное существование: Что делает мое бытие в мире особенным? Что позволяет мне чувствовать себя живым?

Согласно Сёрену Кьеркегору, субъективное существование есть особый интимный уровень существования для каждого из нас в мире. Именно это бытие как субъективное объединяет людей, а не мир в целом делает людей едиными и тождественными друг другу. Быть и чувствовать себя живым – вот аксиома, общая для всех людей. Живым, то есть открытым для страдания, отчаяния, обреченности и одиночества по отношению к миру, вопрошающим о своем собственном бытии и его смысле. Ответ на этот вопрос обращен к миру, но ответ на этот вопрос человек должен искать в себе, в своем собственном бытии, которое укореняет его во внешнем мире.

Человек Сёрена Кьеркегора – это человек, который вопрошает сам у себя о смысле своего существования, взывает к основам своего бытия, осознавая в то же время всю шаткость любых рациональных теорий и схем объяснения мира. Об этом вопрошании писал еще Р. Декарт в своем знаменитом тезисе «Мыслю, следовательно, существую». Для Р. Декарта именно сомневающийся разум может служить опорой для существования человека. Однако С. Кьеркегор идет дальше Р. Декарта, выходит за пределы его рациональной конструкции субъекта, выходит за пределы рациональных конструкций человеческой субъективности у немецких классиков – Канта и Гегеля.

Сёрен Кьеркегор всю жизнь стремился приоткрыть завесу рациональности и заглянуть за нее: что, помимо моего разума, может дать мне опору в моем собственном существовании? Какое оно, мое «я»? Оно в первую очередь живое, чувственное, открытое для познания и самопознания. Именно в моем «я» и содержится этот удивительный, уникальный мир, который я всю жизнь постигаю как тайну. Именно этот мир и открывает для нас великий датский философ Сёрен Кьеркегор.

Наталья Плужникова

Или – или

Предисловие переводчика к первому изданию

Предлагаемые три произведения – «Афоризмы эстетика»¹, «Дневник обольстителя», «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал»² – датского писателя Сёрена Кьеркегора взяты из его замечательного сочинения «Одно из двух»³, состоящего из двух частей, прямо противоположных между собой по содержанию: первая часть – чисто эстетического, а вторая – строго этического характера. Названное сочинение вышло в 1843 году под псевдонимом *Виктор Эремит*, но в предисловии было сказано, что последний является лишь издателем, а не автором, так как все статьи, составляющие предлагаемое сочинение, найдены им в бумагах одного приятеля и принадлежат, как видно, перу двух разных лиц, из которых одно – эстетик – дало материал для первой части, а другое – этик – для второй.

«Одно из двух» – сочинение настолько оригинальное как по замыслу, так и по исполнению, что мы считаем нужным дать здесь хотя бы краткие сведения о самой личности автора и его воззрениях.

* * *

Сёрен Кьеркегор родился в 1813 году в Копенгагене; 17 лет от роду он был уже студентом, через 10 лет – кандидатом богословия, а в 1841 году получил степень магистра философии за диссертацию «Об иронии». Побывав затем несколько раз в Германии для ознакомления с немецкой философией, он вернулся в Копенгаген, где и прожил всю остальную жизнь (он умер 42 лет, в 1855 году), неутомимо работая над литературными трудами, составившими, по выражению Брандеса, «целую литературу в литературе» и создавшими ему славу гениальнейшего писателя Дании.

Университетские годы Кьеркегора совпали со временем владычества над умами философии Гегеля, и юноша Кьеркегор, вслед за своими современниками, тоже увлекся обещаниями «системы, ведущей в обетованную страну человечества». Но отвлеченные истины гегелевского учения ненадолго удовлетворили Кьеркегора, уже успевшего вынести глубокие впечатления из своей недолгой жизни. Попытавшись применить к ней новое учение, он не замедлил убедиться в его несостоятельности. Тогда все силы могучей диалектики Кьеркегора направились к тому, чтобы выяснить и доказать бессилие философии относительно разъяснения загадок жизни и правил, которыми человек должен в ней руководствоваться. Стремление же философии Гегеля согласовать веру и знание окончательно возмутило Кьеркегора и стало предметом его уничтожающей критики. В то время как философы утверждали, что принцип противоположности уже утратил свое значение, и, созерцая прошедшее, старались примирить противоположности в высшем единстве мысли, Кьеркегор, имея в виду настоящее, ставит их рядом перед каждым индивидуумом как предметы выбора: «или то, или другое», «одно из двух»... Глубокое знание человеческой души указало ему путь, по которому следовало идти к намеченной им цели.

¹ Напечатаны в «Вестнике Европы» в майской книжке 1886 г.; ныне же являются во вновь обработанном переводе. – Прим. перев.

² Напечатано в «Северном вестнике», в сентябрьской, ноябрьской и декабрьской книжках 1885 г. и также переработано. – Прим. перев.

³ Напечатано в «Северном вестнике», в сентябрьско.

По его мнению, век наш, воображая, что живет не только этической, но даже и религиозной жизнью, на самом деле лишь блуждал в ложных эстетико-философских взглядах на жизнь. Чтобы вывести людей из их заблуждения, Кьеркегор считал нужным начать с разъяснения самых элементарных понятий о жизни, в которых в его время, как и вообще во все времена и эпохи человечества, царила величайшая путаница. Этим и объясняется, что автор такого глубоко религиозного направления, каким был в сущности Кьеркегор, начал свою деятельность с произведения, относящегося к области эстетики и этики. На Кьеркегора нельзя смотреть как на мыслителя, бывшего сначала эстетиком, а затем через этику дошедшего до религии; напротив, он с самого начала глубоко религиозен и лишь надевает на себя различные маски, чтобы врасплох поймать своих современников в ложных воззрениях на жизнь, объяснить им их заблуждения и затем привести их к истинному этико-религиозному взгляду на жизнь. С этой именно целью написано «Одно из двух», состоящее, как уже сказано выше, из двух прямо противоположных друг другу по характеру частей. Связующим звеном между обеими частями служит мысль автора, высказываемая им во второй части от лица этика: культ наслаждения ведет человека к разочарованию, нравственному переутомлению и отчаянию; спасти от всего этого может только выбор противоположного серьезного и строгого отношения к жизни, благодаря которому она и получает высший смысл, не только не лишаящий ее красоты, но, наоборот, придающий ей действительную внутреннюю красоту.

* * *

Ввиду того, что «Афоризмы эстетика» и «Дневник обольстителя» – отдельные статьи первой, а «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал» – одна из статей второй части, наметим вкратце общее содержание обеих частей.

Все восемь статей первой части проникнуты мировоззрением эстетика, признающего один культ красоты и наслаждения и бросающегося, отыскивая их, во все стороны. Ни одна из прекрасных, интересных сторон жизни не ускользает от него; музыка (статья «Моцартовский Дон Жуан»), поэзия и театр (статья «Софокл и Шекспир»), любовь и женщины («Дневник обольстителя») – все служит ему материалом.

«Афоризмы эстетика», справедливо считающиеся жемчужинами датской литературы, служат как бы прелюдией ко всей первой части, отражая в себе различные, быстро сменяющиеся в душе эстетика настроения. «Дневник...» же дает понятие о самых попытках эстетика жить исключительно эстетической жизнью.

Вторая часть является выражением взглядов строгого этика, жреца культа нравственности и долга и состоит из трех статей: «О браке»; «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал»; «О греховности человеческой».

Помещаемая здесь вторая из них является полнейшим контрастом «Дневнику обольстителя», так как содержит систематическую с точки зрения логики и нравственности проверку мирозерцания эстетика. Главное значение этой статьи, так же как и всей вообще литературной деятельности Кьеркегора, в том, что автор заставляет читателя не только объективно проследить обмен мыслями между двумя последователями различных направлений в жизни, но также принять в их споре личное участие, согласиться с необходимостью «выбора» и проникнуться сознанием той ответственности, какую этот выбор на них налагает⁴.

Петр Ганзен

⁴ Современное название «Или – или». – Прим. ред.

Афоризмы эстетика

Grandeur, savoir, renommée, Amitié, plaisir et bien Tout n'est que vent, que fumée: Pour mieux dire, tout n'est rien⁵.

Что такое поэт? – Несчастный, переживающий тяжкие душевные муки; вопли и стоны превращаются в его устах в дивную музыку. Его участь можно сравнить с участью людей, которых сжигали заживо на медленном огне в медном быке Фалариса⁶: жертвы не могли потрясти слуха тирана своими воплями, звучавшими для него сладкой музыкой.

И люди толпятся вокруг поэта, повторяя: «Пой, пой еще!», иначе говоря, пусть душа твоя терзается муками, лишь бы вопль, исходящий из твоих уст, по-прежнему волновал и улаждал нас своей дивной гармонией.

Требование толпы поддерживают и критики: это верно, так и должно быть по законам эстетики! Критик, впрочем, – тот же поэт, только в сердце его нет таких страданий, а на устах – музыки. Оттого, по-моему, лучше быть пастухом, понятым своим стадом, чем поэтом, ложно понятым людьми!

В этом фрагменте мыслитель, обосновывая роль поэта и критика в обществе, пишет о двух путях восприятия мира: чувствующем, поэтическом (в дальнейшем С. Кьеркегор назовет этот путь эстетическим) и рациональном, расчетливом – путь критика (этика). Каждый человек в своей жизни, по С. Кьеркегору, идет по пути и поэта, и критика, опираясь и на чувства, и на разум. Однако чувства побуждают человека жить ради мгновений, делают его зависимым от внешнего мира и, следовательно, несвободным. Путь поэта ведет неизбежно к страданию и отчаянию. Поэтому необходим критик, который осознает, зачем ему необходимо страдание, и который готов нести ответственность за него. Критик, по С. Кьеркегору, – тот же поэт, только в его сердце нет страданий, и объясняется он перед людьми понятным рациональным языком.

* * *

Я предпочитаю разговаривать с детьми – есть, по крайней мере, надежда, что из них выйдут разумные существа, – тогда как те, которые считают себя таковыми... увь!

Сёрену Кьеркегору в жизни нравилось разговаривать с детьми во время своих одиноких прогулок по Копенгагену. Встречая детей, мыслитель часто останавливался возле них, беседовал с ними и дарил им какие-то мелочи. Дети поражали мыслителя своей открытостью, дружелюбием и жизнерадостностью.

⁵ Величие, мудрость, громкое имя, Дружба, удовольствия и добродетель – Не что иное, как ветер, как дым, Иными словами, – ничто (.).

⁶ Фаларис, тиран Агригентский, родом с Крита, или скорее из Агригента, захватил власть в 568 г. до Р.Х. Медный бык его, в котором сжигались живые человеческие жертвы, был изобретен скульптором Периллом. Изобретатель был сожжен первым в своем изобретении. – *Прим. перев.*

* * *

Какие люди странные! Никогда не пользуясь присвоенной им свободой в одной области, они во что бы то ни стало требуют ее в другой: им дана свобода мысли, так нет, подавай им свободу слова!

Свобода мысли и свобода слова – дихотомия внутреннего и внешнего характерна для всей философии Сёрена Кьеркегора.

* * *

Ничего не хочется. Ехать не хочется – слишком сильное движение; пешком идти не хочется – устанешь; лечь? – придется валяться попусту или снова вставать, а ни того, ни другого не хочется. Словом, ничего не хочется.

Ощущение отсутствия сил и апатия по отношению к миру являются одним из главных симптомов депрессии, которой, вероятно, и страдал мыслитель. Хотя некоторые исследователи считают, что мыслителя преследовал маниакально-депрессивный психоз с частными перепадами настроения и стремлением к меланхолии.

* * *

Есть насекомые, умирающие вслед за оплодотворением. Так и наши радости: момент самого полного наслаждения – и их уже нет!

Здесь философ говорит о тщетности и мимолетности бытия.

Полезный совет писателям: следует набрасывать свои размышления как придется и прямо отдавать в печать; при чтении же корректуры могут появиться и хорошие мысли. Итак, те, у кого до сих пор не хватало храбрости выступить в печати, – смелее! Не следует пренебрегать и опечатками; блеснуть остроумием – хотя бы только и благодаря опечаткам, – по меньшей мере, законное право писателя!

Кьеркегор считал, что решительность и остроумие суть то, что отличает настоящего писателя.

* * *

Главное несовершенство человеческой природы состоит в том, что цели наших желаний – всегда в противоположном. Можно привести такую массу примеров, что и психологу будет над чем поломать себе голову. Так, ипохондрик особенно чуток к юмору, сластолюбец охотно говорит об идиллии, развратник – о морали, скептик – о религии. Да и святость постигается не иначе как в грехе.

Кьеркегор диалектически, то есть противоречиво, подходит к толкованию человеческой природы. Диалектика – это философское учение о единстве противоположностей.

* * *

Кроме многочисленных знакомых, у меня есть один друг – грусть. Среди шумного веселья и в часы усердной работы он вдруг отзывает меня, увлекает в свое уединение, и я иду за ним, хотя, в сущности, и не двигаюсь с места. Никогда сердце мое не имело более верного друга – мудрено ли, что я принадлежу ему всем сердцем!

Кьеркегор страдал от меланхолии и ипохондрии и всю жизнь чувствовал себя одиноким человеком.

* * *

Какую бесконечную грусть испытываешь при виде человека, совершенно одинокого на свете! На днях я видел такую бедную девушку – она шла на конфирмацию одна-одинешенька!

В католицизме под конфирмацией понимается Таинство миропомазания, название которого происходит от того, что священник мажет тело человека освященным маслом – миром (отсюда название Таинства).

* * *

Есть болтливое резонерство, которое по своей нескончаемости и в смысле значения для истории сходно со списком необозримых египетских родословных.

Известным историческим фактом является факт, что древние египетские родословные связаны с многочисленными династиями, корни которых уходят в глубокое прошлое. Эти родословные Кьеркегор сравнивает с болтливым

мыслительным процессом, который рождает мысли одну из другой, не имея цели и конкретного содержания.

* * *

Старость, как известно, осуществляет мечты юности; пример – Свифт: в молодости он построил дом для умалишенных, а на старости лет и сам поселился в нем.

Известный ирландский писатель Джонатан Свифт действительно завещал все свои сбережения для постройки дома для умалишенных. В то же время этот исторический пример свидетельствует об остроумии Кьеркегора, указывающего на превратности судьбы.

* * *

Можно просто испугаться того, с каким мрачным глубокомыслием открывали в старину англичане двусмысленность в основе смеха. Вот что говорит, например, д-р Гартли: «Смех при появлении у детей есть начинающийся плач, вызванный болью, или сразу подавленное и повторяющееся через короткие промежутки выражение чувства боли»... Что, если все на свете было бы лишь одним недоразумением, если бы смех был, в сущности, плачем!

Действительно, в английском языке больше языковых выражений, которые придают отрицательную семантическую коннотацию концепту «смех».

Скорее всего, речь идет о докторе Дэвиде Гартли – известном английском психологе и философе XVIII века, который разработал теорию ассоциативной психологии на основе учения другого английского философа – Дж. Локка об опытном характере знания. На это учение опирался и С. Кьеркегор в своей философии.

* * *

Корнелий Непот рассказывает, как начальник большого кавалерийского отряда, запертый неприятелем в крепости, приказывал ежедневно бить лошадей кнутом, чтобы они не захворали от продолжительной стоянки и бездействия.

Я тоже теперь живу как осажденный и, чтобы не пострадать от продолжительного бездействия, плачу, плачу, пока не устану.

Корнелий Непот – древнеримский историк и биограф.

* * *

Сдается мне, я представляю собой нечто вроде шахматной фигуры, о которой противник говорит: заперта!

В этом изречении мыслитель сравнивает весь мир с шахматной доской, на которой каждая фигура словно заперта в своем собственном мире и находится от этого в отчаянии.

* * *

*Аладдин*⁷ производит на нас такое освежающее впечатление именно потому, что мы видим в этой пьесе детски гениальную смелость самых причудливых желаний. А многие ли в наше время дерзают действительно пожелать, потребовать что-либо, обращаясь к природе: или, как благовоспитанное дитя, с просьбой «пожалуйста», или с бешенством отчаяния? В наше время много толкуют о том, что человек создан по образу и подобию Божию, но много ли найдется людей, которые, сознавая это, принимают по отношению к жизни тон повелителя? Не похожи ли мы все на Нуреддина, низко кланяющегося духу, опасаясь потребовать слишком много или слишком мало? Не низводим ли мы каждое великое требование наше к болезненному созерцанию собственного «я»? Вместо того чтобы предъявлять требования жизни, мы предъявляем их себе... к этому нас, впрочем, готовят и дрессируют!

* * *

Громадная неувыдаемая мощь древней народной поэзии в том и состоит, что в ней есть сила желаний. Желания же нашего времени только греховны и пошлы – у нас все сводится к желанию пожить за счет ближнего. Народная поэзия превосходно сознает, что у ближнего нет того, чего она жаждет, и поэтому если иной раз и предъявляет какое-нибудь грешное желание, то оно до того величественно, до того вопиет к небу, что заставляет содрогнуться. Эта поэзия не торгуется в своих требованиях с холодными соображениями трезвого рассудка до сих пор, например, Дон Жуан проходит перед нами на сцене со своими «1003 любовницами», и никто не осмелится улыбнуться, уже из одного уважения к преданию. А вздумай поэт создать что-либо подобное в наше время, его, наверное, осмеют.

Дон Жуан – известный испанский литературный персонаж, любитель чувственных наслаждений, обольститель женщин.

* * *

Предание говорит, что Пармениск потерял способность смеяться в трофонийской пещере, но снова приобрел ее на острове Делос, увидев уродливый обрубок, считавшийся изображением богини Лето. Нечто вроде этого было и со мной.

В ранней юности я было научился смеяться в трофонийской пещере; возмужав, я взглянул на жизнь открытыми глазами, засмеялся и с тех пор не перестаю... Я понял, что значение жизни сводится к «теплому местечку»; что цель жизни – чин статского или иного советника; истинный смысл и желание любви – женитьба на богатой; блаженство дружбы – денежная поддержка; истина – лишь то, что признается большинством; восторженность – способность произнести спич; храбрость – риск подвергнуться десятирублевому штрафу; сердечность – послеобеденное пожелание «на здоровье»; набожность – ежегодное говение... Я взглянул на жизнь и засмеялся.

В этом фрагменте С. Кьеркегор приводит в качестве сравнения со своим внутренним состоянием античный миф о юноше Пармениске. Он потерял способность смеяться и, чтобы вернуть эту способность, обратился за помощью к Дельфийскому оракулу, который помог ему рассмеяться,

⁷ Драма Эленшлегера. Сюжет взят из «Тысячи и одной ночи». – Прим. перев.

показав неожиданный для него смысл происходящего. Суть античного мифа о Пармениске в том, что наши ожидания часто не соответствуют тому, что происходит на самом деле. И состояние смеха можно метафорически описать как состояние «пробуждения», снятие завесы ожиданий и встречу с действительностью такой, какая она есть.

* * *

Чем я связан? Из чего была цепь, которую сковали волка Фенрира? Из шума кошачьих шагов, из бород женщин, из корней гор, из дыхания рыб, из слюны птиц? И я скован цепью из мрачных фантазий, тревожных грез, беспокойных дум, жутких предчувствий и безотчетных страхов. Цепь эта «упруга, легка, как шелк, растяжима до бесконечности, и ее нельзя разорвать».

Кьеркегор описывает один из сюжетов скандинавской мифологии, связанный с богом ужаса – волком Фенриром, и его противостоянием с Одином. Один, видя силу Фенрира, решил с другими богами сковать Фенрира цепями, чтобы оградить жителей Асгарда от его опасности. Но волк был настолько силен, что разрывал любые цепи, сковывающие его. Тогда боги обратились за помощью к подземным карликам, которые создали для Фенрира самую прочную цепь, в состав которой входили необычные ингредиенты, в том числе корни гор, слюна птиц, поступь кошки. Фенрир не смог разорвать эту цепь: чем больше он пытался освободиться, тем больше цепь сковывала его. Кьеркегор сравнивает себя с Фенриром, который сам объят страхом и ужасом от того, что никогда не сможет освободиться от собственных цепей, сковывающих его, и вынужден пребывать в таком состоянии всю свою жизнь, подобно вечному нахождению Фенриру на цепи.

* * *

Я, может быть, и постигну истину, но до познания блаженства душевного мне еще далеко. Что же мне делать? Скажут: «Займись делом». Каким? Чем мне заняться? Разве оповещать человечество о своей грусти, стараясь представить новые доказательства печального ничтожества человеческой жизни? Или открывать какие-нибудь новые, еще не известные доселе темные стороны жизни? Этим я мог бы, пожалуй, стяжать себе редкую награду: прославиться наподобие астронома, открывшего новые пятна на Юпитере. Предпочитаю, однако, молчать.

У мыслителя противоречивое отношение к истине. В этом фрагменте он пишет о так называемой объективной истине, то есть той, что признается людьми в обществе, зависит от внешних факторов. Однако есть и субъективная истина, которая не имеет объективных критериев и исходит от стремлений человеческой души, она иррациональна.

* * *

Удивительная вещь: во всех возрастах жизни человек занят одним и тем же, трудится над разрешением одной и той же проблемы и не только не двигается с места, а скорее даже идет назад. Еще пятнадцатилетним мальчиком япреважно написал школьное сочинение на тему «Доказательства бытия Бога, бессмертия души, необходимости веры и действительности

чуда». На выпускном экзамене мне опять пришлось писать о бессмертии души, и мое сочинение удостоилось особого одобрения; несколько позже я получил даже премию за другое сочинение на ту же тему. Кто поверит, что после такого многообещающего начала я к двадцати пяти годам от роду дошел до того, что не мог привести ни одного доказательства в пользу бессмертия души! Особенно памятно мне, что одно из моих сочинений на упомянутую тему было прочитано учителем вслух и расхвалено как за мысли, так и за слог.... Увы! Сочинение это я давно куда-то забросил! Какая жалость! Может быть, оно рассеяло бы теперь мои сомнения. Вот мой совет родителям, начальникам и учителям: следует внушить детям хранить все написанные ими в пятнадцатилетнем возрасте сочинения на родном языке. Дать такой совет – единственное, что я могу сделать для блага человечества.

* * *

Как человеческая натура всегда верна себе! С какой природной гениальностью дает нам иногда маленький ребенок живую картину сложных житейских отношений. Так забавно было сегодня смотреть на маленького Людвига. Он сидел на своем высоком креслице и предвольно поглядывал вокруг. По комнате прошла его няня Мария. «Мария!» – кричит он. «Что, Людвиг?» – ласково отвечает она и подходит к нему, а он, слегка наклонивши головку набок и глядя на нее своими большими лукавыми глазенками, прехладнокровно заявляет: «Не ту Марию, другую!»... А мы как поступаем? – Взываем ко всему человечеству, а когда люди приветливо идут нам навстречу, мы восклицаем: «Не ту Марию!»

Речь идет о любимой воспитательнице знаменитого баварского монарха Людвига II – Марии Катарине Терезии Сибилле Майльхаус.

* * *

Моя жизнь – вечная ночь. Умирая, я мог бы воскликнуть, как Ахиллес:

Du bist vollbracht,
Nachtwache meines Daseins!⁸

Кьеркегор сравнивает жизнь с ночью как образом бесконечного вечного бытия, погружение в которое не имеет конечного смысла. Другими словами, жизнь, подобная вечной ночи, сама по себе бессмысленна.

* * *

Моя жизнь совершенно бессмысленна. Когда я перебираю в памяти различные ее эпохи, мне невольно хочется сравнить ее с немецким словом «*Schnur*», обозначающим, как известно, во-первых – шнурок, во-вторых – эпоху. Недоставало только, чтобы оно обозначало еще: в-третьих – верблюда, а в-четвертых – швабру.

⁸ Ты завершилась, Ночная стража моего бытия! (нем.)

* * *

Право, я похож на люнебургскую свинью. Мышление – моя страсть. Я отлично умею искать трюфели для других, сам не получая от того ни малейшего удовольствия. Я поднимаю носом вопросы и проблемы, но все, что я могу сделать с ними, – это перебросить их через голову.

Люнебург – немецкий город, недалеко от Гамбурга. В этом городе поставлен памятник свинье как особо почитаемому животному – вероятно, поэтому мыслитель использует этот яркий образ.

* * *

Как, однако, скука ужасно скучна! Более верного или сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно нарушило бы эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу – везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю. Прометею хоть коршун печень клевал, на Локи хоть яд беспрерывно капал – все же было хоть какое-нибудь разнообразие, хоть и однообразное. Для меня же и страдание потеряло свою сладость. Посулите мне все блага или все муки земные – я не повернусь даже на другой бок ради получения одних или во избежание других. Я медленно умираю. Что может развлечь меня? Вот если бы я увидел верность, восторжествовавшую над всеми испытаниями, увлечение, все преодолевшее, веру,двигающую горы, если б я видел торжество мысли, примиряющее конечное с бесконечным... Но ядовитое сомнение разрушает все. Моя душа подобна Мертвому морю, через которое не перелететь ни одной птице, – достигнув середины, она бессильно падает в объятия смерти.

Кьеркегор объясняет смысл скуки через математическое понятие равенства. Если два множества содержат одинаковые значения переменных, то они взаимозаменяемы и равны.

Прометей – известный герой древнегреческой мифологии, который принес людям огонь, за что был прикован к скале и погиб в муках.

Локи – один из богов скандинавской мифологии, которого наказали боги, приковав в пещере и заставив мучиться от яда змеи.

Через образ Мертвого моря мыслитель передает чувство тотальной безысходности и обреченности жизни.

* * *

Сопротивляться бесполезно. Нога моя скользит. Жизнь моя все-таки остается жизнью поэта. Можно ли представить себе более злосчастное положение? Я отмечен, судьба смеется надо мной, показывая, как все мои попытки к сопротивлению превращаются в поэтические моменты. Я могу описать надежду с такой жизненной правдой, что всякий, «надеющийся и верующий» в жизнь, узнает себя в моем описании, а оно все-таки ложь: я создал его лишь по воспоминаниям.

Здесь мыслитель встает на позицию фаталиста, считая, что быть поэтом, для которого характерно отчаяние перед судьбой, есть удел. Отчаяние предназначено поэту самой судьбой.

* * *

Несоразмерность в построении моего тела состоит в том, что у меня, как у новоголландского зайца, слишком короткие передние ноги и слишком длинные задние. На месте я вообще сижу спокойно, но, чуть двинусь с места, движение это проявляется громадным прыжком, к ужасу всех, кто связан со мной узами родства или дружбы.

Фигура С. Кьеркегора была сутулой и угловатой, что напоминало новоголландского зайца, похожего на кенгуру с сутулой спиной и тонкими ногами. Кьеркегор стеснялся своей непривлекательной, как он считал, внешности.

* * *

Удивительно! С каким страхом цепляется человек за жизнь, одинаково боясь и утратить ее, и удержать за собою. Иногда мне приходит мысль сделать решительный шаг, перед которым все мои прежние эксперименты окажутся детской забавой: хочу пуститься в неведомый путь великих открытий. Кораблю, спускаемому с верфи в море, салютуют выстрелами, так же хотел бы я отсалютовать и себе самому. А между тем... Мужества, что ли, не хватает у меня? Хоть бы кирпич свалился мне на голову и пришиб меня до смерти – все был бы исход!

* * *

Зачем я не родился в бедной семье, зачем не умер ребенком? Отец положил бы меня в гробик, взял его под мышку, снес ранним воскресным утром на кладбище и сам закопал бы в могилку, пробормотав несколько слов, ему одному понятных. Лишь счастливой древности могла прийти мысль изображать младенцев в Элизиуме, оплакивающих свою преждевременную смерть.

С. Кьеркегор жил в обеспеченной семье, его отец стал богатым торговцем, однако счастья богатство не принесло. Мыслитель с детства ощущал себя одиноким и несчастным.

В древнегреческой мифологии Элизиум представлял собой загробный мир, в котором находились души героев и праведников после смерти.

* * *

Я никогда не был веселым в душе, а между тем веселье как будто всегда сопутствует мне, вокруг меня словно всегда порхают невидимые для других легкие гении веселья, любясь которыми, глаза мои сияют радостью. И вот люди завидуют мне, когда я прохожу мимо них счастливый и веселый, как полубог, а я хохочу – я презираю людей и мщу им. Я никогда не унижался до того, чтобы пожелать обидеть кого-нибудь фактически, нанести действительное оскорбление, но всегда умел повернуть дело так, что люди, вступавшие со мной в сношения, выносили впечатление какой-то обиды. Слыша, как хвалят других за честность и верность, я хохочу. Я никогда не был жестокосердным, но именно в минуты наисильнейшего сердечного волнения я принимал самый холодный и бесчувственный вид. Слыша, как превозносят других за доброе сердце, любят за нежные глубокие чувства, я хохочу. Видя ненависть и презрение ко мне со стороны людей, слыша их проклятия моей холодности и бессердечию, я хохочу,

потому что презираю людей и мщу им; я хохочу – и моя злоба удовлетворяется. Вот если бы этим добрым людям удалось довести меня до того, чтобы я провинился фактически, поступил несправедливо, – тогда я был бы побежден.

* * *

Вино больше не веселит моего сердца: малая доза вызывает у меня грустное настроение, большая – меланхолию. Моя душа немощна и бессильна; напрасно я вонзаю в нее шпоры страсти, она изнемогла и не воспрянет более в царственном прыжке. Я вконец утратил иллюзии. Напрасно пытаюсь я отдаться крылатой радости: она не в силах поднять мой дух, вернее, он сам не в силах подняться; а бывало, при одном веянии ее крыл я чувствовал себя так легко, свежо и бодро. Бывало, еду по лесу верхом, тихим шагом, а чудится – лечу на крыльях ветра; ныне же конь весь в пене, готов рухнуть оземь, а все кажется, что я не двигаюсь с места!

Я одинок, я всегда был одинок; я покинут не людьми – это меня не огорчило бы, – а гениями веселья. Бывало, они окружали меня со всех сторон, всюду отыскивали себе товарищей, везде ловили для меня случай; сонмы веселых эльфов толпились вокруг меня, как вокруг пьяного шаловливые школьники, и я улыбался им. Душа моя утратила самое понятие о возможности. Если бы мне предложили пожелать чего-нибудь, я пожелал бы не богатства, не власти, а страстной веры в возможность, взора, вечно юного, вечно горящего, повсюду видящего возможность... Наслаждение разочаровывает, возможность – никогда. Где найдется вино, такое душистое, пенистое, опьяняющее, как «возможность»?

* * *

Звуки проникают и туда, куда не проникают солнечные лучи. Комната у меня темная, мрачная; высокая каменная стена против окна почти совсем заслоняет дневной свет. Слышатся звуки музыки. Должно быть, из соседнего двора. Вероятно, бродячий музыкант. Какой же это инструмент? Камышовая свирель? Что я слышу! Менуэт из *Дон Жуана*. Умчите же меня, могучие, полные звуки, к танцам, к шумному веселью, к женщинам! Аптекарь что-то толчет в ступе, кухарка выскребает кастрюлю, конюх выколачивает о мостовую скребницу. Но звуки музыки принадлежат мне одному, увлекают лишь одного меня! О, благодарю тебя, благодарю, кто бы ты ни был! Душа моя так оживлена, так полна восторгом!

Кьеркегор использует образ Дон-Жуана как олицетворение эстетического типа личности.

* * *

Семга сама по себе вещь очень вкусная, но в большом количестве она вредна для желудка, как и всякая тяжелая пища. Поэтому-то однажды во время большого улова семги возле Гамбурга полиция запретила домохозяевам кормить прислугу семгой больше одного раза в неделю. Вот бы вышел такой же приказ относительно сентиментальности!

* * *

Солнце весело и ласково заглядывает в мое жилище; в соседней комнате открыто окно. На улице тихо – послеобеденная воскресная пора. Я слышу, как поет жаворонок под окном красивой девушки на соседнем дворе. С какой-то дальней улицы доносится выкрикивание раз-

носчика рыбы. В воздухе разлита такая теплота, а город будто весь вымер... Мне вспоминается моя молодость, моя первая любовь, когда я так грустил. Теперь я грущу лишь по той первой грусти. Что такое юность? – Сон. Что такое любовь? – Сновидение.

* * *

Моя печаль – моя крепость; она расположена на вершине горного хребта среди облаков, как гнездо орла; никто не может овладеть ею. Оттуда я делаю набеги в действительную жизнь, хватаю добычу, приношу домой и тку из нее картину для украшения стен моей башни. Я живу там отшельником. Все пережитое я погружаю в купель забвения вечных воспоминаний; все конечное забыто и стерто. Я, как седой старец, сижу здесь в глубокой задумчивости и тихо, почти шепотом, объясняю себе картины. Меня слушает ребенок, хотя он и помнит все сам, без моих рассказов.

Здесь С. Кьеркегор описывает свой внутренний мир, мир субъективности как становления, в котором присутствует и умудренное жизнью «я» в образе старца, и внутренний ребенок, который хранит воспоминания о своей жизни в своем внутреннем «я», в своей духовности.

* * *

Со мной случилось внезапное чудо: я вдруг очутился на седьмом небе, перед сонмом богов. В знак особой милости мне было предоставлено право пожелать чего-нибудь. «Хочешь, – спросил Меркурий, – молодости, красоты, власти, долгой жизни или любви первой красавицы в свете, или какую-нибудь другую уладу из нашего хлама – выбирай, но что-нибудь одно». После минутного раздумья я обратился к богам со следующими словами: «Почтенные современники! Я выбираю право всегда смеяться последним». Ни один из богов не ответил ни слова, но все засмеялись, из чего я заключил, что, во-первых, просьба моя уважена, а во-вторых, что боги обладают тактом: было бы ведь некстати серьезно ответить мне: «Да будет по-твоему»!

Меркурий – бог в древнеримской мифологии, покровитель торговцев.

* * *

Какое-то неопределенно-грустное настроение овладело мной при виде бедняка, медленно пробирающегося по улице в потертом светло-зеленом с желтым отливом сюртуке. Мне было жаль его, но особенно взволновал меня цвет его сюртука, так живо напомнивший мне мои первые ребяческие попытки в благородном искусстве живописи: этот цвет, как нарочно, представлял мое любимое сочетание красок. Не грустно ли в самом деле, что в жизни совсем не приходится встречать этой краски, о которой до сих пор я вспоминаю с таким удовольствием? Все находят ее резкой, неприятной, годной разве для размалевки грошовых игрушек. Если мне и случается натолкнуться на нее, то, как на грех, всегда при какой-нибудь грустной встрече, вроде упомянутой. Это всегда сумасшедший или другой несчастный, словом, человек, чувствующий себя лишним на белом свете и не признаваемый людьми за собрата.... А я-то всех своих героев окрашивал в этот незабвенный желто-зеленый цвет! Не общая ли это участь радужных красок нашего детства? Не становятся ли мало-помалу цвета этой эпохи жизни слишком яркими, резкими для нашего утомленного глаза?

* * *

Право, у меня хватило бы мужества сомневаться во всем, бороться со всеми, но я не осмеливаюсь познать, усвоить что-либо, овладеть чем бы то ни было. Многие жалуются, что жизнь чересчур прозаична, что она не похожа на роман, где случай всегда вывозит. Я тоже недоволен, что жизнь – не роман, где приходится бороться с жестокосердыми отцами, колдунами и привидениями и освобождать очарованных принцесс. Все эти враги, вместе взятые, – ничто в сравнении с теми бледными, бескровными, но живучими ночными призраками, с которыми я борюсь, хотя сам же вызвал их к жизни.

Вероятно, здесь речь идет о тяготивших Кьеркегора ночных мыслях и фантазиях.

* * *

Двери счастья отворяются, к сожалению, не внутрь – тогда их можно было бы растворить бурным напором, – а изнутри, и потому ничего не поделаешь!

Быть счастливым или нет – зависит от самого человека, по мнению мыслителя.

* * *

Моя душа, моя мысль бесплодны, и все же их терзают непрерывные бессмысленные, полные желания родовые муки. Неужели мне никогда не сообщится дар духа, который развязал бы мой язык, неужели я навеки осужден лепетать?

Мне нужен голос пронзительный, как взор Линцея, поражающий ужасом, как вздох гигантов, неистощимый, как звуки природы, насмешливый, как порыв внезапно хлестнувшего в лицо дождем ветра, злой, как бездушное глумление эха, с диапазоном от *basso profundo** до самых нежных, чарующих грудных звуков, со всеми переходами от благоговейного шепота до дикого вопля отчаяния. Вот что нужно мне, чтобы облегчить душу и высказать все, что томит ее, потрясти диафрагму и любви, и злобы... Но голос мой хрипл, как крик чайки, и беззвучен, как благословение на устах немого.

Линцей – один из аргонавтов в древнегреческой мифологии, который прославился остротой зрения.

Глубокий бас, очень низкий мужской голос.

* * *

Самая прекрасная пора жизни – пора первой любви: каждое свидание, каждый взгляд приносят какую-нибудь новую радость. Мой взгляд на жизнь лишен всякого смысла – мне кажется, что какой-то злой дух надел мне на нос очки, одно стекло которых увеличивает все до чудовищных размеров, а другое – до такой же степени уменьшает.

Скептик – *ρεασιβρενο*⁹: он, как спущенный волчок, может некоторое время вертеться на острие, но утвердиться на месте он не в состоянии.

Скептик – человек, для которого сомнение является ведущим принципом мышления.

* * *

Смешнее всего суесться, т. е. принадлежать к числу тех людей на свете, о которых говорится: кто быстро ест, быстро работает. Когда я вижу, что такому деловому господину в самую решительную минуту сядет на нос муха, или у него перед носом разведут мост, или на него свалится с крыши черепица – я хохочу от души. Да и можно ли удержаться от смеха? И чего ради люди суеются? Не напоминают ли они женщину, которая, засуетившись во время пожара в доме, спасла щипцы для углей? – Точно они спасут больше из великого пожарища жизни!

* * *

У меня вообще не хватает терпения жить... Я не вижу, как растет трава, – а раз я не вижу этого, я и совсем не желаю смотреть! Мои воззрения похожи на размышления странству-

⁹ Букв.: «бичуемый» (*греч.*) – волчок, юла, запускаемая с помощью хлыста или прута. Ср.: укр. «навшений».

ющего схоластика, пролетевшего поле жизни сломя голову. Говорят, Творец насыщает желудок прежде глаз – я этого не замечаю. Мой взор давно пресыщен жизнью, а сам я все-таки голоден.

Схоластик (схоласт) – тот, кто предается бесполезным бесплодным мыслям, отвлечен от реальности. В Средние века в Европе схоластами называли последователей схоластики – теологической, религиозной философии.

* * *

Спрашивайте меня о чем угодно, только не о причинах. Молодой девушке извиняют, если она не может привести причин на том основании, что она-де живет чувством. Со мной не то: у меня обыкновенно бывает так много одна другой противоречащих причин, что по этой причине я и не могу сослаться ни на одну причину. Что же касается отношения между причиной и следствием, то и тут, если не ошибаюсь, что-то неладно. То громадная причина имеет самые ничтожные последствия, а то и вовсе никаких – какая-нибудь вздорная ничтожная причина ведет к колоссальным последствиям.

Речь идет о диалектическом подходе к жизни у Кьеркегора. В диалектике как учении о развитии определяющими в познании являются причинно-следственные связи.

* * *

Жизнь превратилась для меня в горький напиток, а мне еще приходится принимать его медленно, по счету, как капли...

* * *

Следует отдать справедливость так называемым невинным радостям жизни; в них лишь один недостаток: они слишком уж невинны. К тому же и пользоваться-то ими приходится донельзя умеренно. Я еще понимаю, если мне предписывает диету доктор, – можно некоторое время воздерживаться от известных блюд. Но соблюдать диету в диете – это уж чересчур!

* * *

Никто не возвращается из царства мертвых. – никто не является на свет без слез. – никто не спрашивает, когда хочешь явиться. – никто не справляется, когда желаешь уйти.

С. Кьеркегор пишет об объективных обстоятельствах в жизни человека, которые не предоставляют человеку свободу выбора, например свободу выбора, когда ему родиться и когда умереть. Позже известный французский экзистенциалист Ж.-П. Сартр назовет человека «проектом», который заброшен в мир.

* * *

Говорят, время летит, жизнь идет вперед и т. п. Не замечаю. И время стоит, и я стою. Все планы, которые выбрасывает мой ум, не идут в ход, а возвращаются ко мне; хочу плюнуть – плюю себе в лицо.

* * *

На что я гожусь? – Ни на что или на все что угодно. Редкая способность! – сумеют ли оценить ее? Кто знает, находят ли себе место служанки, которые публикуются в качестве «одной прислуги» или, в случае надобности, в качестве «чего угодно»?

* * *

Ни одной беременной женщине не придут в голову такие причудливые и нетерпеливые желания, какие появляются у меня. Они относятся то к самым ничтожным, то к самым возвышенным предметам, но все равно отражают мгновенный страстный порыв души. Сейчас, например, мне хотелось бы тарелку размазни! Мне вспоминаются школьные годы – нам всегда подавали ее по средам. Помню, какая она была гладкая и нежная, как улыбалось мне таявшее в ней масло, какой горячий пар шел от нее, как я бывал голоден и с каким нетерпением ожидал позволения приняться за нее! Вот бы теперь тарелку такой размазни! Я готов дать за нее свое первородство – даже больше!

Размазня – жидкая каша, как правило, из гречневой муки.

* * *

Никогда не следует падать духом. «Когда беды и несчастья обрушиваются на человека самым жестоким образом, в облаках появляется спасительная рука» – так сказал недавно за вечерней господин пастор.

Я частенько бываю под открытым небом, однако ни разу не видел ничего такого. Несколько дней назад мне, правда, показалось нечто подобное, но и это была не рука, а что-то, похожее на простертую из облаков руку. Я подумал: жаль, что нет тут нашего пастора, а то он решил бы, не на это ли явление он тогда намекал? Размышления мои прервал какой-то прохожий. «Вы видите этот смерч? – начал он, указывая на облачную руку. – Его в наших местах редко увидишь, а случается, он уносит с собой целые дома!»... О-о! Так это смерч! И я со всех ног пустился домой. Как на моем месте поступил бы господин пастор?

* * *

Пусть другие жалуются, что наше время дурно, – я недоволен им за то, что оно ничтожно, совершенно лишено страсти. Мысли современного человека жидки и непрочны, как кружева, а сами люди жалки, как кружевницы. Людские помыслы слишком ничтожны даже для того, чтобы назваться греховными. Червяку еще, пожалуй, можно бы вменить в грех такие помыслы, но человеку, созданному по образу Бога!.. Желания людские степенны и вялы, страсти спят – люди только «исполняют свои обязанности», и то как торгаши-евреи, позволяющие себе немножко поурезать червонец. Они думают, что, как бы Всевидящее Око ни следило за

ними, авось все-таки им удастся урвать малую толику. Гадко! Вот почему душа моя постоянно обращается к Ветхому Завету и Шекспиру. Там, по крайней мере, чувствуется, что говорят люди, – там ненавидят, там любят, убивают своего врага и проклинаят его потомство во всех поколениях. там грешат!

* * *

Маг Вергилий велел изрубить себя на куски, бросить в котел и варить в продолжение восьми дней – посредством этого процесса он должен был вновь стать молодым. Чтобы чужой глаз не мог заглянуть в волшебный котел до срока, он приставил караульного. Тот, однако, сам не выдержал искушения – и Вергилий в виде плачущего младенца исчез навсегда! Я тоже слишком рано, кажется, заглянул в котел жизни и исторического развития и вследствие этого, вероятно, не пойду дальше младенчества.

* * *

Я делю свое время так: одну половину сплю, другую – грежу. Во сне я не вижу никаких сновидений, и это хорошо, потому что уметь спать – высшая гениальность.

* * *

Быть вполне человеком – все-таки выше всего... У меня на ногах появились мозоли – значит, шаг вперед.

В результате моей жизни получится «ничто» – она представляет собой одно настроение, один колорит; выйдет, таким образом, нечто вроде картины художника, которому поручили изобразить переход евреев через Красное море: он покрыл все полотно красной краской, поясняя, что евреи перешли, а египтяне утонули.

Речь идет об известном сюжете из Ветхого Завета, касающемся чудесного спасения евреев от египтян и их Исходе из Египта через Красное море. В результате этого перехода евреи избавились от египетского рабства и стали свободными.

* * *

Что ни говорите, а человеческое достоинство признается еще в природе. Желая отогнать птиц от плодовых деревьев, ставят чучело, и даже отдаленного сходства этого пугала с человеком достаточно для того, чтобы внушить уважение.

* * *

Лучшим доказательством ничтожества жизни являются примеры, приводимые в доказательство ее величия.

* * *

Пошлая судьба! Напрасно ты, как старая развратница, замазываешь свои морщины белилами, напрасно звенишь своими шутовскими бубенчиками. Надоела ты мне! Все то же да то

же, все *idem per idem*, никакого разнообразия – все одно и то же разогретое вчерашнее блюдо. Придите хоть вы, сон и смерть, – одни вы, ничего не обещая, все исполняете!

«*idem per idem*» – одно и то же (известное крылатое латинское выражение).

* * *

Для того чтобы любовь имела какое-нибудь значение, первое проявление ее должно быть озарено луной, как и Апис, чтобы стать настоящим Аписом, при рождении своем должен быть озарен луной. Корова, разрешившаяся Аписом, тоже должна быть озарена луной в момент зачатия?

Апис – священный бык в Древнем Египте, посредник между богами и простыми смертными. В некоторых городах Древнего Египта почитался как бык луны, поэтому изображался с двумя рогами и луной между ними. Иногда изображался с солнечным диском между рогов.

* * *

Большинство так усердно гонится за наслаждениями, что обгоняет их. Люди в этом случае напоминают карлика, сторожившего похищенную принцессу: однажды он прилег вздремнуть после обеда, а когда проснулся, принцессы и след простыл. Он спешит надеть свои семи-мильные сапоги – и одним шагом далеко обгоняет ее.

* * *

Как жизнь пуста, ничтожна! Хоронят человека: провожают гроб до могилы, бросают в нее горсть земли: туда едут в карете и возвращаются в карете; утешают себя тем, что еще долгая жизнь впереди.

А что такое, в сущности, семь-десять лет? Отчего бы не покончить сразу, не остаться на кладбище всем, бросив жребий: на чью долю выпадет несчастье быть последним и бросить последнюю горсть земли на могилу последнего усопшего?

* * *

Душа моя угнетена, подавлена каким-то мрачным, тяжелым предчувствием... мысль не в состоянии унести ее от земной юдоли в свободный эфир. И даже выйдя из оцепенения, она продолжает тяготеть к земле и низко стелется над ее поверхностью, как птица перед грозой.

Кьеркегор понимает эфир в духе своего времени. В начале XIX века еще не сложилась концепция электромагнитного поля Дж. К. Максвелла. Эфир понимался такими учеными, как И. Ньютон и Р. Декарт, в качестве невидимой материальной среды существования вещей.

* * *

Женщины! Что в них? Красота их исчезает, как сон, как вчерашний день. Верность их. Да в том-то и дело! Они или легкомысленны (что меня перестало интересовать), или верны. Одна

из них еще могла бы, пожалуй, увлечь, заинтересовать меня... как редкость, но не больше, – ведь окажись она верной в истинном смысле слова, я стал бы жертвой собственного эксперимента: мне пришлось бы тоже посвятить ей всю свою жизнь, а не выдержи она – опять старая история!

* * *

Я слышу два знакомых удара смычка! И это здесь, на улице! Да уж не лишился ли я рассудка? Или слух мой, влюбленный в музыку Моцарта, сам обманывает себя? Или милосердные боги, из сострадания ко мне, как к нищему, сидящему у врат храма, даровали мне ухо, способное слышать ими же самим воссозданные звуки? Я слышу эти два звука и ничего больше. Как в бессмертной увертюре, они всплывают из-под низких аккордов хора, так и теперь они ясно выделяются из уличного шума и гама со всей неожиданностью откровения. Однако это должно быть где-нибудь близко. Вот раздались веселые, манящие к танцам звуки. – А! Так это вам обязан я наслаждением, бедные бродячие артисты! Один из них, лет семнадцати, одет в зеленый сюртук с большими костяными пуговицами. Сюртук ему не по росту. Скрипка прижата к подбородку; фуражка сдвинута на брови; на руке перчатка без пальцев, ладони посинели от холода. Другой, постарше, в шинели. Оба слепые. Маленькая девочка, должно быть поводырь, стоит возле, спрятав руки под платок. Мало-помалу вокруг музыкантов образовался целый кружок поклонников их музыки: почтальон с сумкой, мальчик, кухарка, двое мастеровых да я. Щегольские барские экипажи с шумом катили мимо, грохот ломовых телег почти заглушал звуки музыки. Знаете ли вы, бедные музыканты, что в этих звуках все прелести жизни? Не похож ли этот случай на свидание?

* * *

За кулисами загорелось. Клоун выскочил предупредить публику. Решили, что он шутит, и давай аплодировать. Он повторяет – еще более неистовый восторг. Сдается мне, пробьет час, и мир рухнет при общем восторге умников, воображающих, что и это буффонада.

Буффонада – комическая игра актера, особая манера комического исполнения роли.

* * *

В чем вообще смысл жизни? – Людей, собственно, можно разделить на два класса: один должен работать, чтобы поддержать жизнь, другой не нуждается в этом. Но не в работе же людей первого класса смысл жизни! Если допустить это, выйдет колоссальное противоречие: постоянное добывание условий станет ответом на вопрос о значении того, что этим обуславливается! Жизнь другого класса тоже не имеет никакого иного смысла, кроме потребления готовых условий. Сказать же, что смысл жизни в смерти, – вновь, кажется, противоречие...

* * *

Сущность наслаждения заключается не в предмете наслаждения, а в представлении о наслаждении. Если б я имел в услужении сказочного духа и приказал ему доставить мне стакан воды, а он принес бокал лучшего в мире вина, я бы прогнал его и не позволил являться на глаза,

пока он не поймет, что сущность наслаждения не в наслаждении чем-либо, а в исполнении желания.

* * *

Да, я не господин своей судьбы, а лишь нить, вплетенная в общую ткань жизни! Но если я и не могу ткать сам, то могу обрезать нить.

Речь идет о том, что, несмотря на внешние обстоятельства и превратности судьбы, у человека всегда есть выбор, как ему поступить с этими обстоятельствам и как к ним относиться.

* * *

Все должно совершаться в безмолвной тишине – в ней таится обоготворяющая сила.
Слова:

«Mix einem Kind, dass gottlich, wenn Du schweigst,
Doch menschlich, wenn Du das Geheimnitz zeigst»¹⁰,

можно применить не только к судьбе ребенка Психеи.

Психея – богиня души в Древней Греции.

* * *

Я, по-видимому, осужден пережить всевозможные душевные настроения, чтобы набраться опыта. И вот я ежеминутно попадаю в положение ребенка, которого учат искусству плавания посреди океана. Я кричу (этому меня научили греки, у которых вообще можно научиться всему чисто человеческому), хотя на меня и наложен пояс, – я не вижу палки, за которую меня поддерживают над водой. Приобретать опыт таким образом – страшно.

* * *

По-моему, нет ничего пагубнее воспоминаний. Если какие-нибудь житейские обстоятельства или отношения переходят у меня в воспоминания, значит, самые отношения уже покончены.

Говорят, разлука обновляет любовь. Это правда, но лишь в поэтическом смысле. Жить воспоминаниями – нельзя и представить себе ничего выше этой жизни: никакая действительность не может так удовлетворить, наполнить человека, как воспоминание; в воспоминании есть такая «действительность», какой никогда не имеет сама действительность. Когда я вспоминаю какие-нибудь житейские отношения, они уже достояние вечности и временного значения не имеют.

¹⁰ Дитя то – Божество, пока безмолвен ты, Но – человек, коли залог нарушишь немоты (нем.). Пер. М. Белорусца.

Вильям Бугро. Похищение психеи. 1895

* * *

Философские учения о жизни зачастую так же обманывают, как вывески с надписью «Стирка белья» на толкучке. Вздумай кто явиться сюда с бельем, он будет сильно разочарован – вывеска выставлена для продажи.

* * *

Если кому следовало бы вести дневник, так это мне, особенно для памяти. Время спустя я часто забываю, что побудило меня к тому или иному поступку, – и не только тогда, когда речь идет о пустяках, но даже в самых серьезных случаях жизни. Если же мне иногда и удается впоследствии припомнить причину, то она обыкновенно кажется мне такой странной, что я просто отказываюсь признать ее. А имей я привычку записывать все, подобное сомнение было бы устранено.

Да, причина – вообще странная штука: если душа моя взволнована страстью, причина вырастает в колоссальную необходимость, могущую поколебать вселенную; в спокойном же состоянии духа я отношусь к ней свысока. Я уже давно задумываюсь над причиной, по которой я отказался от адъюнктуры. Теперь мне думается, что я был бы как раз на своем месте в этой должности. Сегодня же меня озарила мысль, что это именно и было причиной моего отказа: если бы я занял эту должность, мне бы уже не на что было рассчитывать впереди, я мог лишь все проиграть и ничего не выиграть в будущем. Оттого я предпочел искать счастья в труппе странствующих актеров: у меня нет таланта, следовательно, я могу надеяться на счастье и у меня все впереди.

* * *

Надо быть очень наивным, чтоб решиться прибегать к шуму и крику. Будто судьба человека изменится от того! Нет, лучше уж примириться с ней, взять ее, какова она есть, не мудрствуя лукаво.

В дни молодости, заказывая бифштекс в ресторане, я всегда напоминал слуге: «Смотри же, хороший кусок и не слишком жирный». Но слуга ведь мог и не расслышать моих слов, не говоря уже о том, что он бы мог просто не обратить на них внимания. Кроме того, мои слова должны были еще проникнуть на кухню, дойти до ушей повара... Положим, однако, что все это удалось, – ведь и тогда могло оказаться, что нет ни одного хорошего куска на кухне!.. Теперь уж я не кричу.

* * *

Чувства гуманности и филантропические стремления распространяются все более и более. В Лейпциге образовалось общество, поставившее себе задачей из сострадания к печальной кончине старых лошадей есть их.

Филантропические стремления – стремления человека помогать нуждающимся безвозмездно, без личной выгоды.

* * *

Лучший мой друг – эхо, а почему? Потому что я люблю свою грусть, а оно не отнимает ее у меня. У меня лишь один поверенный – ночная тишина. Почему? Потому что она нема.

Несчастнейший¹¹

Где-то в Англии должна быть, как известно, могила, замечательная не великолепным памятником или унылыми окрестностями, а лаконической надписью – *несчастнейший*. Говорят, могила была вскрыта, но от трупа не осталось ни следа. Чему же больше удивляться: тому ли, что не оказалось трупа, или тому, что вскрыли гроб? В самом деле странно, что старались узнать, был ли кто в гробу. Читая имя в надгробной надписи, очень легко увлечься мыслью, как протекла жизнь человека на свете, и может явиться желание сойти к нему в могилу и вступить с ним в беседу. Но эта надпись столь многозначительна! У книги может быть заглавие, возбуждающее желание прочесть ее, но иное заглавие может быть настолько глубокомысленно само по себе, лично настолько заманчиво, что никогда не захочется прочесть книгу. Воистину потрясен ли, радостен ли человек, эта надпись столь многозначительна для всякого, кто в глубине своей, может быть, тайно сроднился с мыслью, что он – несчастнейший. Но я могу представить себе человека, чья душа не знает подобной заботы; ему было просто любопытно узнать, действительно ли был кто-нибудь в гробу. И смотрите, гробница была пуста. Может быть, он снова воскрес, может быть, он хотел посмеяться над словами поэта:

*... в могилах – покой,
Жильцы их не ведают скорби людской;*

он не обрел мира даже в гробу, может быть, он снова бесприютно блуждает по свету, покинул свой дом, свой очаг, оставил только свой адрес! Или он еще не найден, он, несчастнейший, кого даже Евмениды не преследуют, пока он не найдет двери в храм или скамьи смиренно молящихся, но кого скорби окружают в жизни, скорби сопровождают в могиле!

Евмениды – древнегреческие богини-мстительницы.

Если же он еще не найден, то предпримем мы, дорогие *Ευμάρτα νῆχρωνοι*¹², как крестоносцы, паломничество не ко святому гробу на счастливом востоке, а к скорбному гробу на несчастном западе. У этого пустого гроба будем мы искать его, несчастнейшего, в уверенности найти его; ибо, как тоска верующих стремится ко гробу святому, так несчастных влечет на запад, к этому пустому гробу, и каждый исполнен мысли, что он предназначен ему.

Крестоносцы – участники религиозных средневековых походов против,
как правило, мусульман на Ближнем Востоке.

Или же подобное размышление мы сочтем недостойным предметом наших дум, мы, чья деятельность, если я должен следовать священному обычаю нашего общества, есть попытка неожиданного афористического благоговения, мы, что не мыслим и не говорим афористически, но живем афористически, мы, что живем *αφορμενοι*¹³ и отторгнутые, как афоризмы в жизни, вне общения с людьми, непричастные к их печалям и радостям, мы, что являемся не созвучием в жизненном шуме, но одинокими птицами в ночном безмолвии, собравшимися один-единственный раз, дабы проникнуться назидательным зрелищем ничтожества жизни, медлительности дня и бесконечной длительности времени, мы, дорогие *Ευμάρτα νῆχρωνοι*, не верящие ни игре радости, ни счастьем глупцов, мы, кто ни во что не верит, кроме несчастья.

¹¹ Пер. Ю. Балтрушайтиса.

¹² Умирающие вместе, сотоварищи в смерти (греч.).

¹³ Отверженные (греч.).

Объединяя всех людей общим понятием – «сотоварищи во смерти», – Кьеркегор описывает общее основание для бытия каждого из людей: каждый человек несчастен в своем бытии, в то же время все мы – сотоварищи во смерти, поскольку только смерть остается единственной прочной основой, которая человеку дана в этом мире. Смерть есть то, что позволяет людям увидеть подлинность и ценность жизни, поскольку по сравнению с ней все остальное в человеческом бытии оказывается лишенным прочного основания, согласно Кьеркегору.

Смотрите, какую несметную толпою теснятся они, все несчастные. Все же много их, считающих себя зваными, но мало избранных¹⁴. Необходимо установить строгое различие между ними – одно слово, и толпа исчезает; как незваные гости, исключаются все, кто думает, что смерть – величайшее несчастье, все те, кто стали несчастны, потому что боятся смерти; ибо мы, дорогие Евцларахеуэрюот, как римские солдаты, не боимся смерти, мы знаем худшее несчастье, и прежде всего несчастье жить. Ведь если был человек, которому нельзя было умереть, если правда то, что говорит предание о Вечном Жиде¹⁵, то можем ли мы колебаться и не назвать его несчастнейшим? Тогда было бы ясно, почему этот гроб был пуст, это значило бы, что несчастнейший – тот, кому нельзя было умереть, кто не мог укрыться в гробу. Тогда вопрос был бы решен, ответ был бы прост, ибо несчастнейшим оказался бы тот, кто не мог умереть, счастливым же тот, кто мог; счастливый – тот, кто умер в старости, более счастливый – тот, кто умер в юности, еще счастливее – тот, кто умер, рождаясь, счастливейший – тот, кто совсем не родился. Но это не так, ибо смерть – общее счастье всех людей, и так как несчастнейший не найден, то его необходимо искать с указанным ограничением.

Смотрите, толпа исчезла, число уменьшилось. Я уже не говорю: обратите на меня ваше внимание, ибо я знаю, что оно мое; не говорю: склоните ко мне ваш слух, ибо я знаю, что он мой. Ваши глаза сверкают, вы поднимаетесь с ваших мест. Это же состязание, в котором стоит принять участие, – более ужасающая борьба, чем борьба на жизнь и смерть, так как мы не боимся смерти. Но нас ждет награда величавее всего на свете и вернее; ибо тому, кто убедился, что он – несчастнейший, нечего бояться счастья, и в свой смертный час ему не придется вкушать унижения в необходимости воскликнуть:

*О, Солон, Солон, Солон!*¹⁶

Так вот откроем свободное состязанье, от которого никто не устраняется ни по положению, ни по возрасту. Не устраняется никто, кроме счастливого и кроме того, кто боится смерти, – привет любому достойному сочлену общины несчастных, трон предоставляется всякому воистину несчастному, гроб – несчастнейшему. Мой голос звучит на весь мир, внимайте ему, вы все, что зовете себя несчастными на свете, но что не боитесь смерти. Мой голос звучит назад в века; ибо мы не будем такими софистами, чтобы исключать умерших, потому что они умерли, ведь они же жили. Я заклинаю вас простить меня, что я на миг смущаю ваш покой; соберитесь у этого простого гроба. Трижды громко кричу я это на весь мир, услышьте, вы, несчастные; так как здесь, в глухом углу мира, мы не станем решать этот вопрос про себя. Найдено место, где он может быть решен перед лицом вселенной.

¹⁴ См. Мф 22:14.

¹⁵ Персонаж христианской легенды позднего западноевропейского Средневековья, обреченный на скитания до второго пришествия Христа за то, что оскорбительно отказал Христу в кратком отдыхе во время его пути на Голгофу.

¹⁶ Восклицание лидийского царя Креза: когда его, побежденного, возводили на костер, он вспомнил слова греческого мудреца Солон о том, что при жизни никого нельзя считать счастливым. Геродот, История, 1.85.

Софисты – бродячие учителя красноречия в Древней Греции, которые обучали этому искусству за деньги. Слово «софист» Кьеркегор употребляет в значении «пустослов», «искусный мастер игры слов».

Но, прежде чем приступить к допросу отдельных людей, мы должны постараться быть достойными судьями и соревнователями. Мы должны укрепить нашу мысль, вооружить ее против обольщения слуха; ибо чей голос столь же вкрадчив, как голос несчастного, чей голос столь же обольстителен, как голос несчастного, когда он говорит о своем собственном несчастье. Станем достойными сидеть здесь в качестве судей, состязаясь, дабы нам не упустить из виду общего, не дать себя смутить отдельным; ибо красноречие скорби бесконечно и бесконечно изобретательно. Мы разделим несчастных на определенные разряды и только одному из каждого разряда будет дано слово; ибо мы не станем отрицать, что не отдельный человек – несчастнейший, а целый класс; но ввиду этого мы не замедлим признать за представителем данного класса имя несчастнейшего, не замедлим признать за ним гроб.

Среди систематических сочинений Гегеля есть глава, где говорится о несчастном сознании¹⁷. К чтению такого рода исследований приступают всегда с глубоким беспокойством и с бьющимся сердцем, со страхом, что придется узнать или слишком много, или слишком мало. Несчастное сознание – такое слово, что, всплыв в потоке речи лишь случайно, может почти заставить кровь застыть, нервы затрепетать и что теперь, высказанное столь определенно, как то таинственное слово в рассказе Клеменса Брентано¹⁸: *Tertia nux mors est*¹⁹, – может заставить человека дрожать, как грешника. Ах, счастлив тот, кому нечего больше делать с этим вопросом, как писать о нем главу; и еще более счастлив тот, кто может написать следующую. Несчастный, стало быть, – тот, чей идеал, чье содержание жизни, чья полнота сознания, чья настоящая сущность так или иначе лежат вне его. Несчастный всегда отторгнут от самого себя, никогда не слит с самим собой. Но отторгнутый от самого себя может, очевидно, жить либо в прошедшем, либо в будущем времени.

Сознание всегда двояко, отчуждено от самого себя.

Этим в достаточной степени очерчена вся область несчастного сознания. Мы благодарны Гегелю за это строгое ограничение, и так как мы не просто философы, созерцающие эту область издали, то постараемся, как ее обитатели, ближе рассмотреть различные стадии, которые она обнимает.

Гегель значительно повлиял на философские взгляды С. Кьеркегора. Несмотря на то что мыслитель с восхищением относился к Гегелю, он скептически оценивал его концепцию Абсолютного духа и его самопознания. Если Гегель писал о достижении самопознания на уровне Абсолютного духа, который носит объективный характер, Кьеркегор настаивал на субъективном характере самопознания. Именно этот вопрос стал точкой расхождения между С. Кьеркегором и Гегелем, поскольку Кьеркегор считал, что для человека субъективное всегда важнее объективного.

Стало быть, несчастный – тот, кто отторгнут от самого себя. Но человек бывает отторгнут от самого себя, когда он живет либо в прошедшем, либо в будущем времени.

Сознание, по Кьеркегору, всегда противостоит самому себе: оно есть место, где пересекается прошлое и будущее: прошлое как то, что есть и будущее как то, чего еще нет.

¹⁷ Гегель, Феноменология духа.

¹⁸ Немецкий писатель-романтик (1778–1842).

¹⁹ Третий орешек – смерть (лат.).

На этом выражении необходимо настаивать, ибо, как учит нас и языковедение, очевидно, что есть время – настоящее в прошедшем, как есть время – настоящее в будущем времени; но та же наука учит, что есть время *plusquamperfectum* (давно прошедшее), где уже нет ничего настоящего, как есть и *futurum exactum* (будущее время) того же свойства. Это надеющиеся и вспоминающие личности. В известном смысле, поскольку они только надеются и только вспоминают, это несчастные личности, если вообще счастлива только личность, живущая в своем настоящем. Хотя, строго говоря, нельзя же назвать несчастною личность, живущую надеждой или воспоминанием. И что здесь должно быть подчеркнуто, это то, что она живет ими. Равно как отсюда же вам будет видно, что, как бы ни был тяжел удар, он не может сделать человека несчастнейшим. Ведь один удар может только либо вырвать у человека надежду и тем самым перенести его бытие в воспоминание, либо вырвать воспоминание и тем перенести его бытие в надежду. Теперь пойдем дальше и посмотрим, как несчастная личность может быть определена ближе. Сперва рассмотрим надеющуюся личность. Когда она, как надеющаяся (и, стало быть, в известном смысле несчастная) личность, не слита с собою в своем настоящем, то становится несчастной в более строгом смысле. Человек, который надеется на вечную жизнь, – в известном смысле несчастный человек, поскольку он отрекается от настоящего, но он несчастен не в строгом смысле слова, так как он слит с самим собою в этой надежде и не приходит в столкновение с отдельными моментами конечности. Наоборот, если он не слит с самим собою в надежде, но теряет свою надежду, снова надеется и так далее, то он отторгнут от самого себя не только в настоящем, но и в будущем, и тогда пред нами пример несчастного. Если мы рассмотрим личность вспоминающую, то получится то же самое. Раз она слита с самой собою в прошедшем, то она несчастна не в строгом смысле слова, если же она не может слиться и беспрерывно отторгнута от самой себя в прошедшем, то перед нами снова пример несчастного.

Личность, которая живет только прошлым или которая живет только будущим, по Кьеркегору, всегда несчастна, поскольку сама заключает в себя некие рамки отсутствия выбора в настоящем, которое разворачивается здесь и сейчас и в котором проявляется человек такой, какой он есть в настоящем, не заключенный в рамки прошлых воспоминаний или мыслей о будущем.

Воспоминание – основная и истинная стихия несчастного, что и естественно, ибо отличительное свойство прошедшего времени в том, что оно прошло, а будущего – в том, что оно придет, и поэтому в известном смысле можно сказать, что будущее ближе к настоящему, чем прошедшее. Чтобы надеющаяся личность могла пребывать в будущем, оно должно быть реально, или вернее, должно быть реально для нее, а чтобы вспоминающая личность могла пребывать в прошедшем, оно также должно быть реально для нее.

Через отношение к прошлому и будущему Кьеркегор описывает двойственность сознания человека: с одной стороны, в сознании есть воспоминания, но реально их уже нет для настоящего; с другой стороны, есть будущее, но и оно не наступило. Поэтому в сознании прошлое и будущее, несмотря на то что существуют в единстве, противопоставлены друг другу, сознание всегда противоречиво.

Но если надеющаяся личность хочет надеяться на будущее, которое не может стать для нее действительностью, или вспоминающая – вспоминать время, которое не было действительностью для нее, то перед нами истинно несчастные личности. Первый случай можно было бы считать невозможным или видеть в нем чистейшее безумие, но это не так, ибо надеющаяся личность надеется не на что-нибудь, лишенное всякой действительности для нее, но надеется на что-либо, что, как она сама знает, не может стать действительностью. Когда, например, личность, теряя надежду, вместо того чтобы стать вспоминающей личностью, хочет быть надеющейся, то перед нами как раз указанный случай. И, когда личность, которая теряет воспоми-

вание или которой не о чем вспоминать, не хочет стать надеющейся личностью, но продолжает быть вспоминающей, – перед нами образ несчастного. Если бы личность переносилась, например, в древность или в Средние века, или в любое другое время, но так, что оно имело бы осязательную действительность для нее, или если бы она переносилась в свое детство или юность, как нечто, имеющее осязательную действительность для нее, то она, собственно, не была бы несчастною личностью в строгом смысле слова. Наоборот, если б я представил себе человека, у которого лично не было никакого детства, ибо этот возраст прошел без всякого значения для него, но который теперь, став, например, учителем детей, открыл бы всю красоту детства и стал бы вспоминать свое собственное детство и вечно оглядываться назад, то в нем мы имели бы вполне подходящий пример. Ему хотелось бы вернуться назад и задним числом воспринять значение того, что прошло для него и что ему хотелось бы вспоминать во всем его значении. И если бы я представил себе человека, который жил, не постигая ни радости жизни, ни ее наслаждения и который заметил их лишь теперь, в свой смертный час, если б я представил себе, что он не умер – в чем было бы величайшее счастье, – но ожил, без возможности пережить все снова, то его можно было бы принять в расчет при решении вопроса, кто был несчастнейший.

Несчастные люди надежды никогда не чувствуют столько боли, сколько люди воспоминания. У надеющихся всегда более радостное разочарование. Поэтому несчастнейшего всегда нужно искать среди несчастных людей воспоминания.

Но мы пойдем далее, мы представим себе сочетание обоих описанных видоизменений несчастной личности в более строгом смысле слова. Несчастливая надеющаяся личность не могла перенести своего бытия в свою надежду – как несчастная вспоминающая личность не могла перенести своего бытия в свое воспоминание. Сочетание возможно только одно: то, что мешает ей жить надеждой, есть воспоминание; то, что мешает ей жить воспоминанием, есть надежда. Отсюда следует, что, с одной стороны, человек всегда надеется на то, что ему следовало бы вспоминать; его надежда постоянно не оправдывается, но когда она не оправдывается, он начинает замечать, что это зависит не от того, что цель отодвинулась дальше, но от того, что цель позади, что он уже пережил ее или должен был пережить и, стало быть, перейти к воспоминанию. С другой стороны, он вечно вспоминает то, на что ему следовало бы надеяться; ибо будущее он постиг уже мысленно, мысленно пережил его и вспоминает это свое переживание, вместо того чтобы надеяться на него. Таким образом, то, на что он надеется, лежит позади него, а то, что он вспоминает, лежит впереди. Его жизнь протекает не в обратном порядке, а в двойном смысле – наизнанку. И он скоро почувствует свое несчастье, хотя он еще не понимает, в чем оно, собственно, заключается. И в то же время, чтобы ему можно было глубже почувствовать это, возникает непонимание, которое ежеминутно насмехается над ним самым странным образом. В повседневной жизни он имеет честь считаться в полном уме и ясном сознании, но он отлично знает – пожелай он объяснить свое положение хотя бы одному человеку в мире, его приняли бы за сумасшедшего. От этого легко сойти с ума, но он не сходит, и в этом именно все его несчастье. Все его несчастье в том, что он явился слишком рано на свет, и поэтому он вечно является слишком поздно. Он вечно близок к цели и в тот же миг он уже далек от нее; и вот он замечает: то, что в настоящее время делает его несчастным, потому что он обладает им, или потому что он сам таков, всего несколько лет назад сделало бы его счастливым, если бы в то время он обладал им, а между тем тогда-то он был несчастен, потому что этого у него не было. И его жизнь лишена всякого смысла, как жизнь Анцея, о котором, как обыкновенно говорят, известно только то, что он послужил поводом к поговорке: *πολλα μετταξυ πελει χειλεος αχρον*²⁰.

²⁰ По усам текло, да в рот не попало (греч.).

Как будто этого не более чем достаточно. Его жизнь не знает никакого покоя и лишена всякого содержания, он чужд своему мгновению, чужд своему будущему, потому что он уже пережил будущее, чужд и прошедшему, потому что прошлое еще не пришло.

В экзистенциализме это состояние описывается как состояние экзистенциального отчаяния, бессмысленности жизни и существования человека.

И вот он гоним, как Лето²¹, к сумраку Гипербореев, к светлому острову Экватора, и он не может родить и он вечно как рождающий. Одиноким, на самого себя покинутый, стоит он в безмерном мире, и у него нет настоящего, где бы он мог почтить, ни прошлого, по которому он бы мог тосковать, так как его прошлое еще не настало, как нет и будущего, на которое он мог бы надеяться, ибо его будущее уже прошло. И перед ним один лишь безмерный мир, как это Ты, с которым он в разладе; ибо весь остальной мир – как одно-единственное существо для него, и это существо, этот неразрывный, назойливый друг – Непонимание. Ему нельзя состариться, так как он никогда не был молодым, так как он уже стар; в известном смысле ему нельзя и умереть, так как он ведь и не жил; в известном смысле ему нельзя и жить, так как он уже умер; он не может и любить, потому что любовь всегда в настоящем, а у него нет ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего, и в то же время он – восприимчивая душа, и он ненавидит мир, только потому что любит его; у него нет никакой страсти не потому, что он чужд всякой страсти, но потому, что в одно и то же мгновение у него и противоположная страсть, у него нет времени ни на что не потому, чтобы его время было занято чем-нибудь другим, а потому, что он совсем не знает времени; он бессилен не потому, что лишен силы, а потому, что собственная сила обессиливает его.

²¹ В греческой мифологии дочь титанов Коя и Фебы, родившая от Зевса Аполлона и Артемиду. Преследуемая Герой, испытывала трудности при их рождении, когда ни один клочок суши не мог ее принять. *Гесиод*, *Теогония*, 406–407.

Но наше сердце скоро очерствело, наши уши закрыты, пусть и не вполне. Мы слышали хладнокровный голос рассуждения, выслушаем же красноречие страсти, короткое, могучее, как всякая страсть.

Вот стоит молодая девушка. Она скорбит, что ее возлюбленный оказался неверен. Об этом рассуждать не приходится. Но она только его и любила на свете, она любила его всей своей душой, всем своим сердцем и всем своим помышлением – стало быть, она может вспоминать и скорбеть.

Действительное ли это существо или образ, живая ли, что умирает, или мертвая, что живет: это Ниоба²². Она всего лишилась вдруг; потеряла то, чему сама дала жизнь, потеряла то, что ей дало жизнь. Благоговейте перед нею, дорогие сотоварищи в смерти, она несколько возвышается над миром, как памятник на могильном кургане. Но ни одна надежда не кивает ей, никакое будущее не волнует ее, никакое зрелище не влечет ее, никакая надежда не тревожит ее – безнадежная, стоит она, окаменев в воспоминании; она была несчастна один миг, и в тот миг она стала счастлива, и ничто не в силах отнять у нее ее счастье; мир меняется, но она не знает никаких перемен, и время идет, но у нее нет никакого будущего.

²² В греческой мифологии: дочь Тантала, жена царя Фив Амфиона. Имела многочисленное потомство, возгордившись которым перед Лето, имевшей только двоих детей (Аполлона и Артемиду), была наказана ими: Аполлон и Артемида убили из луков всех детей Ниобы, потрясенный горем Амфион покончил с собой, а сама Ниоба окаменела. *Аполлодор* 3. 5, 6.

В этом фрагменте Кьеркегор выступает против диалектического понимания развития. Развитие – это не непрерывные и постепенные изменения от прошлого к будущему. Развитие – это всегда процесс, в котором происходит постоянное повторение, поэтому Кьеркегор описывает Ниобу не как живую или мертвую, а как вечно ставшую, не знающую ни перемен, ни времени, ни прошлого, ни будущего.

Взгляните туда, какое прекрасное собрание. Один род подает руку другому. Для благословения, для верного союза, для радостной пляски? Это отверженный род Эдипа²³; и удар передается дальше, и поражает последний отпрыск его: это Антигона²⁴. Но о ней уже позаботились; скорби рода хватит на одну человеческую жизнь! Она отвернулась от надежды, она переменяла ее непостоянство на верность воспоминания. Будь же счастлива, Антигона. Мы желаем тебе долгих дней, исполненных значенья, как глубокий вздох. Пусть никакое забвение не отнимет у тебя ничего. Пусть будет дана тебе вся полнота повседневной горечи скорби.

Появляется могучий образ; но он не один, с ним и друзья его, зачем же он является сюда? Это патриарх скорби, это Иов²⁵ и его друзья. Он утратил все, но не под одним ударом. Ибо Господь взял, и Господь взял, и Господь взял. Друзья помогли ему почувствовать горечь утраты; ибо Господь дал, и Господь дал, и Господь дал – и неразумную жену в придачу. Он утратил все; ибо то, что он сохранил, не заслуживает нашего внимания. Ему надлежит благоговение, дорогие, за его седые волосы и его несчастье. Он утратил все, но он и обладал всем.

Он поседел, голова его поникла, лицо осунулось, душа отягощена заботой. Это отец блудного сына²⁶. Как Иов, он утратил самое дорогое на свете, но его отнял не Господь, а враг; он не потерял, но теряет; это не отнято у него, но исчезает. Он не сидит у своего очага в пепле и власянице;

Власяница – рубашка из грубой шерсти, которые носили на голом теле монахи, отшельники в знак смирения перед Богом.

он ушел из дома, бросил все, чтобы искать утраченного сына; он тянется за ним, но рука не достигает его; он зовет его, но голос остается неслышанным. Все же он надеется, пусть сквозь слезы, он замечает его, пусть сквозь туман, настигает его, хотя бы в смерти. Надежда осеняет его, и ничто не привязывает его к миру, кроме надежды, во имя которой он живет. Его ноги устали, глаза тускнеют, тело ищет покоя, но надежда живет. Волосы у него поседали, тело одряхлело, ноги останавливаются, сердце разрывается, надежда живет. Возвеличьте его, дорогие Евцларахеуэрюот, – он был несчастен.

Кто этот бледный образ, бессильный, как призрак Смерти? Его имя забыто, много веков прошло после его дней. Он был юношей, был полон воодушевления. Он искал мученичества. В мыслях он видел себя пригвожденным к кресту и небеса отверстыми; но действительность была слишком тяжела для него, мечты исчезли, он отрекся от Господа своего и себя. Он хотел поднять мир, но надорвался под бременем; его душа не была раздавлена, не была уничтожена, она была разбита, его дух был надорван, его душа была искалечена. Приветствуйте его, дорогие Евцларахеуэрюот, – он был несчастен. И все же он был счастлив, он стал тем, чем хотел стать, он стал все-таки мучеником, пусть его мученичество было и не то, какого он алкал, так как он не был ни пригвожден к кресту, ни брошен на растерзание диким зверям, но сгорел живым, был медленно снедаем медленным огнем.

²³ *Софокл*, Царь Эдип, Эдип в Колоне.

²⁴ *Софокл*, Антигона.

²⁵ См. Книгу Иова.

²⁶ См. Лк 15:13–32.

Вон там сидит молодая девушка, в раздумье. Ее возлюбленный оказался неверен ей – об этом рассуждать не приходится.

Молодые девушки, всмотритесь в серьезные лица собравшихся: они слышали более ужасные вещи, их бесстрашные души требуют еще больших несчастий.

– Но я только его и любила на свете, я любила его всей моей душою, всем моим сердцем, всем моим помышлением.

– Но это мы уже слышали раньше, не утомляй нашей нетерпеливой тоски; ты можешь вспоминать и скорбеть.

– Нет, я не могу скорбеть, потому что он, может быть, не был неверен, быть может, он не изменил.

– Почему же ты не можешь скорбеть? – Подойди ближе, избранница среди дев, прости строгого судью, что он хотел оттолкнуть тебя, ты не можешь плакать, стало быть, ты можешь надеяться.

– Нет, я не могу надеяться, потому что он был как загадка.

– Хорошо, девушка, я понимаю тебя. Ты стоишь высоко на лестнице несчастья; взгляните на нее, дорогие Еурларавехрювот, – она парит почти на вершине несчастья. Но ты должна разделиться – ты должна надеяться днем, а скорбеть по ночам, или скорбеть днем, а надеяться по ночам. Будь горда, ибо никогда не следует гордиться счастьем, а только несчастьем. Ты не самая несчастная, но не кажется ли вам, дорогие Еуцларавехрювот, ЧТО МЫ ДОЛЖНЫ присудить ей почетное «совершилось»? Гроба мы ей не можем присудить, но самое близкое место подле него.

Потому что вот стоит он, вестник из царства вздохов, избранный баловень страдания, апостол скорби, безмолвный друг боли, несчастный любовник воспоминания, в своем воспоминании смущенный светом надежды, в своей надежде обманутый тенями воспоминания. Голова у него отяжелела, колени изнемогли у него, и все же он отдыхает только на ногах. Он слаб и все же как силен; кажется, что его глаза не пролили, но поглотили много слез, и все же в них пылает огонь, который мог бы пожрать весь мир, и все же ни малейшей занозы скорби в его собственной груди; он согбен, и все же его юность сулит ему долгую жизнь, его уста улыбаются миру, который не понимает его. Встаньте, дорогие Еуцларавехрювот, падите ниц, свидетели скорби, в этот торжественный час. Приветствую тебя, великий Незнакомец, чье имя мне неизвестно, приветствую тебя твоим почетным титулом: Несчастнейший. Прими привет здесь, в твоей отчизне, от общины несчастных, прими привет у входа в смиренную тесную обитель, которая все же величавее всех дворцов мира. Смотри, камень снят, гробовые тени ждут тебя со своею отрадною прохладой. Но, может быть, еще не настало время, может быть, путь еще долог; но мы обещаем тебе часто собираться здесь, чтобы завидовать твоему счастью. Прими же наше пожелание, благое пожелание: пусть никто не понимает тебя, но пусть все завидуют тебе; пусть ни один друг не следует за тобой; пусть ни одна девушка не любит тебя; пусть никакое тайное сочувствие не разгадает твоей одинокой скорби; пусть ничей взгляд не откроет твоего далекого страдания; пусть ничей слух не уловит твоего затаенного вздоха. Если же твоя гордая душа пренебрегает таким сострадательным пожеланием, презирает подобное облегчение, пусть девушки любят тебя, пусть беременные прибегают к тебе в своем страхе; пусть матери уповают на тебя; пусть умирающий ищет у тебя утешения; пусть юноши идут за тобою; пусть мужи полагаются на тебя; пусть старец хватается за тебя, как за посох; пусть весь мир верит, что ты можешь сделать его счастливым. Прощай же, несчастнейший. Но что я говорю: несчастнейший, мне следовало бы сказать счастливейший; ведь это же такой дар счастья, какого никто не может дать себе. Видишь, язык немеет и мысли путаются: кто счастливейший, кроме несчастнейшего, и кто несчастнейший, как не счастливейший, и что такое жизнь, как не безумье, и вера, как не сумасшествие, и надежда, как не отсрочка удара на плахе, и любовь, как не укус для раны.

Он исчез, и мы снова стоим у этого пустого гроба. Пожелаем же ему мира, и отдыха, и исцеления, и всякого счастья, и скорой смерти, и вечного забвения, и никакого воспоминания, чтобы даже память о нем не сделала несчастным другого.

Восстаньте, дорогие *Eurlaravehryvot*. Ночь прошла, и день снова начинает свою неутомимую деятельность, по-видимому, никогда не уставая вечно и вечно повторять самого себя.

Понятие «повторение» занимает одно из центральных мест в философской концепции Кьеркегора. Это понятие обращено против диалектического учения Гегеля о единстве и борьбе противоположностей. Жизнь, согласно Кьеркегору, – индивидуальное существование человека есть вечное настоящее, осуществление действительного в каждый момент, подобно дню, повторяющемуся постоянно.

Работа является одной из восьми статей первой части «Или – или», законченной в марте 1842 г. и опубликованной в феврале 1843 г. под псевдонимом Виктор Эремит. В предисловии к изданию сказано, что последний является лишь издателем, а настоящих авторов два – представляющих точки зрения эстетика и этика (подробнее о противопоставлении эстетической и этической стадий см.: II, 15, 19, 62, 64).

На русский язык «Несчастнейший» впервые был переведен Ю. Балтрушайтисом и опубликован в «Северном сборнике» в 1908 г. (I, 4), в издании, посвященном скандинавской словесности, публиковавшемся символистами.

Дневник обольстителя

Sua passion' predominante e la giovin principiante.
*Don Giovanni, № 4. Aria*²⁷

Собираясь ради личного своего интереса снять точную копию с бумаг, с которыми я познакомился так неожиданно и которые произвели на меня такое сильное, волнующее впечатление, я не могу отделаться от какого-то невольного смущения и страха. Впечатления первой минуты открытия выступают передо мной с прежней силой. Приятель мой уехал куда-то на несколько дней, оставил, против обыкновения, свой письменный стол открытым, и все, что в нем находилось, было, таким образом, в моем полном распоряжении. Обстоятельство это, конечно, нисколько не оправдывает моего поступка, да и напрасно оправдываться, но я все-таки прибавлю еще, что один из ящичков, полный бумаг, был слегка выдвинут, и в нем на самом верху лежала большая тетрадь в красивом переплете; на верхней корочке переплета был приклеен билетик с надписью, сделанной рукой моего приятеля: *Commentarius perpetuus*²⁸ № 4. Напрасно также с моей стороны оправдывать себя и тем обстоятельством, что книга лежала как раз этой стороной переплета кверху, – ведь если бы меня не соблазнило оригинальное и заманчивое заглавие тетради, я, быть может, и устоял или, по крайней мере, постарался устоять против искушения ознакомиться с ее содержанием... А заглавие было действительно заманчиво, и не столько само по себе, сколько по соотношению с остальными окружающими бумагами. Стоило мне бросить на них беглый взгляд, и я уже знал, вернее, угадал их содержание: эротические наброски, намеки на различные отношения и, наконец, черновые письма особого рода; несколько позже мне пришлось ознакомиться с ними в окончательной, тонко рассчитанной и художественно выполненной небрежной форме. Теперь, когда коварная душа этого безнравственного человека стала для меня уже открытой книгой, мною (если я вновь представлю себя мысленно перед тем раскрытым ящичком) овладевает чувство полицейского, неожиданно обнаружившего приют поддельвателя ассигнаций: отпирая ящички, он находит кучу бумажек – пробы различного шрифта, образчик виньетки, подпись кассира, строки, писанные справа налево...

Ассигнации – ценные бумаги.

Судя по заглавию найденной тетради, я принял было ее за собрание различных эскизов, тем более что знал, как серьезно относится мой приятель ко всякому предпринятому им литературному труду. Оказалось, что я ошибся и это был аккуратно веденный дневник. Не зная еще содержания этого дневника и опираясь на свое прежнее знакомство с его автором, я не мог согласиться с заглавием на тетради – я не находил, чтобы жизнь моего приятеля особенно нуждалась в комментариях, – зато теперь я не могу отрицать, что заглавие было выбрано с большим вкусом. Оно вполне гармонирует с содержанием дневника. Вся жизнь моего приятеля представляла, как оказалось, ряд попыток осуществить свою мечту – жить исключительно эстетической жизнью (и так как у него в высшей степени была развита способность находить интересное в жизни, то он и пользовался ею), а затем поэтически воспроизводить пережитое на бумаге. Строго исторического или просто эпического характера предлагаемый дневник не носит, содержание его скорее условное, чем положительное. Без сомнения, приятель мой записывал события уже после того, как они совершались, иногда, может быть, даже спустя очень долгое время, тем не менее самый рассказ так жив и драматичен, что события как бы совер-

²⁷ Преобладающей его страстью были молоденькие девушки (ит.), «Дон Жуан», № 4, ария.

²⁸ Последовательные заметки (лат.).

шаются перед нами въявь. Я не думаю, чтобы приятель мой, ведя дневник, имел в виду какую-нибудь постороннюю цель: как в целом, так и в частностях дневник этот не допускает возможности видеть в нем поэму, предназначенную для печати, и, по-видимому, имел для автора исключительно личное значение. Но, во всяком случае, автор не имел бы причин и бояться издать его: большинство собственных имен, встречающиеся в нем, так странны, что невольно является сомнение в их исторической верности. Я имею основание думать, что только первое собственное имя действующих лиц оставлялось автором без изменения, для того чтобы сам он впоследствии мог знать, о ком идет речь, а всякий посторонний был бы обманут фамилией.

Это заметил я, по крайней мере, относительно Корделии – девушки, на которой сосредоточен главный интерес дневника и которую я знал лично. Настоящая фамилия ее не имела ничего общего с той, которую она носит в дневнике.

Корделия – главная героиня дневника, образ возлюбленной Кьеркегора. Среди исследователей творчества мыслителя существует точка зрения, что Корделия – это образ реального человека для С. Кьеркегора, его возлюбленной Регины Ольсен. Имя Корделия выбрано С. Кьеркегором не случайно. Это имя одной из главных героинь трагедии У. Шекспира «Король Лир». В Короле Лире Корделия – это девушка, которую изгоняет отец из дома и которая становится женой впадшему в безумие королю Лиру.

Я получил от Корделии целую пачку его писем; думаю, однако, что в ней были не все: она сама намекнула мне однажды, что уничтожила некоторые. Я снял с них копии и также внес их в дневник. Мне было довольно трудно разместить их в надлежащем порядке, так как они не помечены числами; впрочем, это все равно ничуть не облегчило бы задачи: в самом дневнике, по мере его развития, все реже и реже встречаются указания на день и число. Указания эти становятся как будто лишними, настолько знаменательным делается само содержание дневника; оно, несмотря на свою фактическую подкладку, становится почти идеей. Помогло же мне несколько то, что я еще раньше заметил в разных местах дневника слова, смысл которых оставался для меня неясным до тех пор, пока я не прочел писем. Последние, как я увидел, представляли собой как бы разработку тех вскользь брошенных слов и намеков, которые установили мое внимание. Благодаря этому обстоятельству затруднения с размещением писем в дневнике исчезли, и я не впал в ошибки, которые иначе были бы неизбежны, поскольку я не знал, как часто следовали эти письма одно за другим. Оказалось, что иногда Корделия получала их по несколько в один день. Я, конечно, разместил бы их более равномерно, ничего не зная о той страстной энергии, с которой Йоханнес пользовался этим, как и всяким вообще, средством, чтобы разжигать чувство Корделии, не давая ей опомниться.

Эдвин Эбби. Прощание Корделии («Король Лир», акт I, сцена I). 1898

Йоханнес – приятель автора Дневника.

В дневнике, кроме подробной истории отношений с Корделией, встречается также несколько маленьких эпизодов эстетического характера, отмеченных на полях; эти эпизоды, не имеющие никакого отношения к главному предмету повествования, объяснили мне, между прочим, смысл любимого выражения моего приятеля, которое я понимал прежде совсем иначе: «Рыбаку нужно на всякий случай забрасывать маленькие удочки и на сторону». В дневниках прежних лет такие, как он сам называет их, *actions in distans*²⁹ попадались, наверное, чаще, но здесь он признается, что Корделия слишком овладела его воображением, чтобы оставить ему время хорошенько осматриваться кругом.

Вскоре после своего разрыва с Корделией он получил от нее несколько писем, но возвратил их нераспечатанными. Корделия сама распечатала их и передала мне вместе с полученными от него. Она никогда не говорила со мной об их содержании, но, когда разговор касался ее отношения к Йоханнесу, цитировала обыкновенно маленькое стихотворение, принадлежащее, если не ошибаюсь, Гёте – имевшее в ее устах каждый раз новое значение, соответствующее душевному настроению в данную минуту:

Gehe,
Verschmähe Die Treue, –
Die Rene Kommt nach³⁰.

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749–1832) – немецкий поэт, представитель романтизма.

15-го

Я встретил ее за городом, в аллее, между Северными и Восточными воротами, около семи часов вечера. Солнце уже погасло, оставляя на ландшафте слабый, как воспоминание, мягкий отблеск своих лучей. Природа дышала свободнее; зеркальная поверхность озера была неподвижна. Хорошенькие домики набережной купали свои изображения в темной, как свинец, воде. Синее небо было ясно и чисто, лишь изредка по нему скользили маленькие, легкие облачка, отражавшиеся в озере. В воздухе царила тишина, ни один листочек не колыхался... и – я увидел ее! На этот раз взор мой не обманул меня, как не раз обманывала голубая накидка. Я давно старался подготовить себя к внезапной встрече, и все-таки от волнения у меня почти захватило дыхание. Сердце то стучало, словно у самого уха, то вдруг совсем замирало, как то близкая, то далекая, едва слышная песня жаворонка, то спускающегося, то вновь поднимающегося над окрестными полями. Она была одна. Я опять забыл, как она была одета, но образ ее ярко запечатлелся в моей памяти. Она была одна и погружена в самое себя, но занята, очевидно, не собою, а своими мыслями. Особенно серьезной умственной работы ее черты не выражали, но тихое брожение мысли ткало в ее душе туманную картину желаний, смутных и необъяснимых, как и вздохи молодой девушки. Она была в самой цветущей, прекрасной поре жизни. Она шла тихо; ее медленная походка вполне гармонировала с тишиной окружающей природы. На берегу озера сидел мальчик с удочкой. Она остановилась около него, любясь зеркальной поверхностью озера, свежесть и прохлада которого манили ее. Она развязала маленькую шейную косынку, и свежий ветерок целовал ее полную, белую как снег, но горячую грудь. Маль-

²⁹ Воздействия на расстоянии (лат.).

³⁰ Убегай, Презирай, Любовь губя, – Раскаянье Настигнет тебя (нем.).

чик, должно быть, не особенно остался доволен этой непрошеной свидетельницей его ловли – обернулся и уставился на нее своим флегматично-обиженным взглядом. Фигура его была так комична, что она не удержалась и залилась веселым смехом. Смех ее был так детски свеж и задорно звонок, что, мне кажется, – не будь здесь никого, она, пожалуй, не прочь бы пошалить и даже побороться с мальчиком, как ребенок. Глаза у нее большие, темные и лучистые, взор тонул в их бесконечной загадочной глубине. Взгляд этих чудных глаз был чист и полон мягкого спокойствия, но смех зажигал в нем лукавый блеск. Нос с легким горбиком как-то незаметно сливался с белым высоким лбом, что и уменьшало его, и придавало более смелый характер... Она пошла дальше, я следовал за ней. К счастью, гуляющих встречалось много, и я, обмениваясь несколькими словами то с тем, то с другим знакомым, давал ей иногда уходить далеко вперед, потом нагонял ее, опять отставал – старался не возбудить ее подозрений медленным и ровным преследованием. Она направлялась к Восточным воротам. Мне захотелось рассмотреть ее вблизи, незаметно для нее самой, и я моментально составил план действий. В конце аллеи, на углу стоял домик, мимо окон которого она должна была пройти. Я был знаком с хозяевами домика, и мне стоило только сделать им визит. Я быстро обогнал девушку, не обращая на нее ни малейшего внимания, и оставил ее далеко позади. Вбежав в дом и наскоро раскланявшись с членами семейства и гостями, я поспешил занять наблюдательный пост у окна. Она медленно приближалась. Я жадно смотрел на нее, смотрел, а сам беззаботно болтал с окружающими. Ее походка показывала, что она не проходила полного курса светских манер и танцев; шла она просто и непринужденно, но в то же время в ее движениях сказывались некоторая гордость и врожденное достоинство, смешанные с долей небрежности. Из окна была видна небольшая часть аллеи, и девушка должна была уже скрыться с моего горизонта, как вдруг, к великому моему изумлению, она свернула на мост, перекинутый через озеро как раз против окна! Что это? Она живет за городом?! И я начал уже горько раскаиваться в своем визите: вот она сейчас исчезнет из виду, а я сижу тут... Она уже приблизилась к концу моста и вдруг повернула назад. Вот она опять проходит мимо окон, я впопыхах хватаю шляпу, перчатки. Мысленно я уже на улице, догоняю ее, обгоняю, отстаю, опять догоняю и наконец открываю, где она живет. Ах! Я толкнул руку дамы, державшей поднос с чаем! О, ужас! Поднялся страшный крик, я стою ошеломленный со шляпой в руках, сгорая лишь одним желанием – удрать поскорее!.. Я стараюсь, однако, придать делу шуточный оборот и мотивировать свое поспешное отступление патетическим восклицанием: «Подобно Каину³¹, я изгоняюсь от сего места, узревши пролитый мной чай!». Но увы! Все было в заговоре против меня. Хозяину является несчастная мысль дополнить мою тираду, и он произносит торжественную клятву, что не выпустит меня, пока я не исправлю беды: я должен сам выпить чашку чая и обнести им других! Я уверен, что хозяин в припадке вежливости счел бы долгом употребить против меня даже насилие, и потому, скрепя сердце, повинуюсь. Она исчезла!

16-го

Как прекрасно быть влюбленным и как интересно сознавать это – вот разница. Мысль, что она вторично ускользнула от меня, и бесит, и в то же время как будто радует меня. Теперь ее образ встает передо мною в каком-то неуловимом сочетании действительного с идеальным. Именно то, что этот создаваемый моим воображением образ – действительность, или то, что, по крайней мере, основанием ему служит действительность, и придает ему особую прелесть. Я уже перестал волноваться, нетерпеливый голос сердца замолк, да и что же мне беспокоиться? Она живет здесь, в городе, и этого с меня пока достаточно: возможность увидеть ее существует, а мой девиз – «наслаждение надо пить по капелькам!». Да и вообще, мне ли тревожиться?

³¹ См.: Быт. 4:12.

Ведь я, по всей справедливости, могу называться любимцем богов – мне выпало на долю редкое счастье полюбить вновь, со всей силой первой любви! Никому не достигнуть этого искусственно, это – неоценимый дар богов. Итак, в моем сердце зажглась новая любовь – посмотрим же, надолго ли удастся мне поддержать ее пламя. Правда, я лелею эту любовь больше, чем мою первую: ведь такой случай редко кому выпадает на долю, и, раз тебе удалось поймать его, не надо зевать. Суть дела не в том, чтобы обольстить девушку, а в том, чтобы найти такую, которую стоит обольщать. Любовь вообще великая тайна; первая любовь также, хотя и в меньшей степени. Но большинство людей не умеют хладнокровно и медленно выжать из нее всю эссенцию наслаждения: они торопятся, мечутся, обручаются, женятся – словом, проделывают всевозможные глупости. В одно мгновение у них уже все окончено, а чего, в сущности, они добились и чего лишились, они и сами не знают... Она уже два раза встретила на моем пути – это значит, что мне предстоит видеться с ней еще чаще. Иосиф, истолковав сон фараону, прибавил: «А то, что сон повторился дважды, это значит, что вскоре Бог исполнит сие»³².

19-го

Корделия! Ее зовут Корделия! Гармоничное имя – очень важное преимущество. Крайне неудобно, если с самыми нежными прилагательными придется вдруг связать некрасивое или смешное имя.

Как мы видим, имя Корделия имеет для С. Кьеркегора серьезный и содержательный смысл, поскольку в тексте он противопоставляет это имя именам некрасивым и смешным. С. Кьеркегор указывает на недвусмысленную приемственность глубокого смысла этого имени.

Я узнал ее издали: она шла с двумя другими девушками. По некоторому замедлению их походки я догадался, что они скоро остановятся, и сам остановился на углу: читаю какую-то афишу и в то же время зорко наблюдаю за ними. Молодые девушки простились; две другие пошли дальше, а она вернулась в мою сторону. Едва она успела сделать несколько шагов, как одна из ее спутниц вернулась, крича: «Корделия, Корделия!» Затем к ней присоединилась и вторая. Все три столкнулись лбами, и между ними произошло какое-то экстренное совещание, тайну которого я никак не мог уловить, несмотря на все ухищрения моего уха. Затем девушки рассмеялись и направились в ту сторону, куда прежде пошли первые две; я, конечно, за ними. Через несколько минут они все исчезли в одном из домов по набережной. Я долго расхаживал около дома, предполагая, что Корделия скоро выйдет назад... но я ошибся, она осталась.

Корделия! Прекрасное имя! Так звали младшую дочь Лира, эту чудную девушку, сердце которой не жило на ее устах: уста ее смыкались, когда сердце переполнялось. Моя Корделия похожа на нее – я в этом уверен. Впрочем, о ней можно выразиться несколько иначе: ее сердце живет на устах, но не в словах, а более нежно: в поцелуях. Таких красивых свежих и пышных губ я еще не видал!..

В том, что я действительно влюблен, убеждает меня та таинственность, которой я облакаю мою любовь к ней чуть ли даже не по отношению к самому себе. Всякая любовь таинственна, если только в ней есть необходимый эстетический элемент. Мне, по крайней мере, еще никогда не приходило в голову посвящать кого-нибудь в свои тайны и хвастаться победами. Я почти рад, что познакомился лишь с семейством, где она часто бывает, а не с ее собственным. Это, пожалуй, еще удобнее для меня: я могу наблюдать за нею, не возбуждая ее внимания, и – кто знает? – без особенных затруднений сблизиться с ее семейством. А если будет затруднение? *En bien!*

³² Быт. 41:32.

Давай их! Всем, чем я занимаюсь, я занимаюсь *con amore* и люблю тоже *con amore*!

3 июня

Я все еще не уяснил себе сущность ее натуры и потому держусь как можно осторожнее и незаметнее, точно лазутчик, прикидывающий ухом к земле и ловящий далекий отзвук надвигающегося неприятеля. Пока я, собственно говоря, еще не совсем существую для нее, так как до сих пор не решился на какой-нибудь эксперимент. «Увидеть ее и полюбить – одно и то же» – так описывается обыкновенно возникновение любви в романах. Это было бы верно, если бы и в любовных отношениях не существовало своего рода диалектики, и авторы лгут, чтобы только облегчить себе задачу.

Теперь мне хотелось бы узнать ее внутреннюю жизнь, ее чувства. Влюблена она, конечно, еще не была, иначе б ее душа не была так беззаботно ясна. Еще менее правдоподобно предположение, что она принадлежит к числу тех теоретически опытных барышень, коим задолго еще до осуществления их мечтаний так легко и привычно вообразить себя в объятиях любимого человека. Лица, с которыми ей приходилось сталкиваться, были не такого сорта, чтобы суметь разрушить ее девичьи иллюзии и установить в ее понятиях правильные отношения между мечтой и действительностью. Ее душа до сих пор еще питается божественной амброзией идеалов. Но идеал, лелеемый ею, – это, наверное, не идиллическая пастушка или героиня романа, а какая-нибудь Жанна д'Арк или тому подобное.

Жанна д'Арк – легендарная национальная героиня Франции, участница Столетней войны 1337–1453 гг.

Такой девушке, конечно, лучше не слышать о любви заранее. Если же она не такова, то помолвка принесет ей одну пользу: жених еще ярче оттенит достоинства ее природы, и я, право, не задумаюсь сам подыскать Корделии жениха, если его еще нет налицо. Жених этот вовсе не должен быть карикатурой – этим ничего не выиграешь, – нет, он должен быть вполне порядочным молодым человеком, даже симпатичным и умным, но все-таки далеко не удовлетворяющим ее духовным требованиям. На такого человека она мало-помалу начнет смотреть свысока и, наконец, потеряет всякий вкус к любви. Она почти перестанет верить в самое себя и в свою поэтическую роль на земле, видя, что предлагает ей действительность. «Так это-то любовь, – скажет она, – только и всего? Немного же!» И ею овладеет чувство какой-то пренебрежительной, скучающей гордости. Эта гордость, которая будет просвечивать во всем ее существе, озарит его ярким нервным блеском, но вместе с тем и приблизит ее к падению.

Так, в поиски за женихом!.. Прежде всего надо хорошенько изучить ее знакомых – не найдется ли среди них подходящего господина? Положим, у ее тетки никто не бывает, но сама Корделия все-таки посещает некоторые семейства, потому и не надо особенно торопиться с поисками на стороне. Два посредственных жениха, пожалуй, даже могут мне насолить некоторым образом: они опасны именно своими относительными достоинствами. Надо будет хорошенько высмотреть: не прячется ли где-нибудь несчастный воздыхатель, у которого только не хватает духа взять ее монастырский дом приступом.

5-го

Мне не пришлось далеко ходить за женихом. Она бывает в семействе коммерсанта Бакстера. Тут-то я и нашел нужного человека. Эдвард, сын хозяина дома, по уши влюблен в Корделию – это можно прочесть одним полузакрытым глазом в его обоих глазах. Он занимается в конторе отца, довольно красив, симпатичен, чуть застенчив, но это, по-видимому, не вредит ему в ее глазах.

Бедняга Эдвард! Он положительно не знает, как взяться за дело. Узнав, что она проводит вечер у них, он надевает новую черную пару, белоснежную накрахмаленную рубашку и является довольно нелепым франтом среди остального общества. Скромность и застенчивость его просто невероятны. Будь эти качества притворными, он, пожалуй, оказался бы для меня довольно опасным соперником. Но ведь этими качествами можно много выиграть лишь при условии большой ловкости и умения пользоваться ими. Что до меня, то я часто и с успехом прикрывался этой маской, чтобы поддеть какую-нибудь маленькую кокетку. Многие девушки довольно беспощадно отзываются о застенчивых мужчинах, любя их втихомолку. Застенчивость и скромность льстят их тщеславию, они как бы чувствуют свое превосходство – это первый задаток. Убаюкав такую девушку в этой счастливой уверенности и поймав минуту, когда она убеждена, что ты вот-вот умрешь от застенчивости, надо вдруг показать, что ты как нельзя более далек от этого и прекрасно умеешь ходить без помочей. Застенчивость как бы уничтожает в глазах девушки пол мужчины и служит отличным средством для придания отношениям оттенка безразличности. Когда же барышня узнает, что это лишь маска, – она конфузится и краснеет, чувствуя, что зашла слишком далеко.

Вообще же, играть с застенчивостью мужчины для девушки так же опасно, как и слишком долго принимать юношу за мальчика.

7-го

Ну вот мы и друзья с Эдвардом! Между нами такая трогательная дружба, какой не бывало на земле с прекрасных времен Древней Греции. Мы очень скоро сблизились: я ловко опутал его различными намеками насчет Корделии и довел наконец до полного признания. Да и к чему же в самом деле скрывать эту тайну, раз все остальные открыты? Бедняга давно уже вздыхает по ней. Каждый раз, как она у них, он одет с иголки и сияет – вечером же испытывает несказанное удовольствие – проводить ее домой. Они идут под руку, посматривая на звезды; сердце его так и пляшет при мысли, что ее рука прикасается к его; они доходят до ее дома, он звонит у дверей, она исчезает, а он приходит в отчаяние – не теряя, однако, надежды на будущее. Он все еще не может собраться с духом переступить ее порог, хотя имеет такой прекрасный повод для этого.

Я не могу не смеяться над ним про себя, но и не могу не видеть чего-то честного и хорошего в его детской робости. Считаю себя довольно опытным по части эротических ощущений, я скажу все-таки, что никогда еще не испытывал на себе этого страха и трепета любви в такой степени, чтобы потерять всякое самообладание. Трепет любви, знакомый мне, скорее возбуждал меня и удваивал мои силы. Кто-нибудь скажет мне, может быть, что в таком случае я не бывал влюблен серьезно. Может быть. Я пристыдил Эдварда и постарался воздействовать на него своими дружескими советами, так что завтра он сделает решительный шаг – лично пойдет пригласить Корделию к ним на вечер. Я успел также внушить ему отчаянную мысль – просить меня сопровождать его. Я дал ему слово, и он в восторге от этой чисто дружеской услуги с моей стороны.

Часто, когда я сижу в этой уютной гостиной, где Корделия, как добрая фея, озаряет своею прелестью всех, с кем ей приходится сталкиваться, – добрых и злых, во мне вспыхивает жгучее нетерпение, я готов выскочить из своей раковины, откуда так скрытно, но зорко сторожу ее. Мне хочется схватить ее за руку, обнять ее стан, прижать к своей груди, чтобы никто не мог отнять ее у меня! Когда же мы с Эдвардом уходим от них вечером и она на прощание подает мне руку, я сжимаю ее в своей и едва могу заставить себя вновь выпустить эту птичку. Терпение – надо хорошенько опутать ее моей сетью, и тогда я вдруг дам вырваться на волю всем силам моей пламенной страсти. Да, мы не испортим себе этого чудного момента преждевременным лакомством – за это ты должна будешь сказать спасибо мне, моя Корделия. Теперь

я держусь в тени, чтобы будущий контраст сверкнул тем ярче; я долго натягиваю лук Амура, чтобы вонзить стрелу поглубже. Как стрелок, я то ослабляю тетиву, то вновь напрягаю, прислушиваясь к ее музыке, но я еще не прицеливаюсь серьезно.

Амур – древнеримский бог любви и страсти.

Если небольшое число лиц постоянно собирается в одной и той же комнате, то как-то невольно у всех заводятся насиженные местечки, и все располагаются на них, как по команде. Я отнюдь не вмешиваюсь в их отношения и все-таки чувствую свое невидимое влияние на Корделию – как будто я постоянно стою между ней и Эдвардом.

Нельзя не согласиться, что мы четверо составляем вообще довольно оригинальную картину. Если подбирать к ней *pendant*³³, то я остановился бы, пожалуй, на Фаусте: разумеется, я – Мефистофель, а Корделия – Маргарита... Дальше, впрочем, некоторые несообразности – Эдварду уж ни в каком случае не подходит роль Фауста. Если же Фауст – я, кто тогда Мефистофель? Не Эдвард же! Да и я, собственно говоря, не похож на Мефистофеля, особенно в глазах Эдварда. Он считает меня добрым гением своей любви и в своем роде прав: никто не может так неусыпно бодрствовать над его любовью, как я. Я обещал ему занимать тетку и относиться к этой почтенной задаче как нельзя серьезнее и добросовестнее. Тетка на наших глазах совсем с головою уходит в сельскохозяйственную экономию, мысленно путешествует по кухням, погребам и кладовым, делает визиты курам и уткам, я же – ее верный спутник. Но Корделии наши хозяйственные экскурсии, видимо, не по сердцу: она никак не может понять, из-за чего я тут хлопочу. Я для нее настоящая загадка, которая, если и не особенно интригует ее, то, во всяком случае, сердит и даже возмущает. Она как будто смутно чувствует, что я заставляю тетку играть иногда несколько комическую роль, а между тем тетушка такая почтенная особа, что, кажется, вовсе бы не заслуживала этого. К тому же я проделываю это так искусно, что Корделия сознает тщетность всяких попыток со своей стороны помешать мне. Иногда мне удается довести дело до того, что сама Корделия не может удержаться от невольной улыбки над теткой. Все это лишь подготовительные этюды, тем не менее это вовсе не значит, чтобы мы с Корделией действовали по уговору. Я никогда не стараюсь заставить ее смеяться над теткой вместе со мною; нет, вся штука в том, что я-то остаюсь неизменно серьезным, а Корделия не может не улыбнуться. Это уже первый шаг на ее ложном пути; теперь надо выучить ее улыбаться иронически, а то эту невольную улыбку можно, пожалуй, столько же отнести и ко мне, как к тетке. Корделия положительно становится в тупик перед моей особой. Что же ей в самом деле думать обо мне? Может быть, я действительно слишком рано состарившийся молодой человек – отчего ж нет?... Невольно улыбнувшись тетушке, Корделия, однако, сердится на самое себя, а я вдруг оборачиваюсь к ней и, продолжая разговор с теткой, смотрю на нее как ни в чем не бывало – тогда она смеется надо мной и над комизмом всего положения.

³³ Соответствие (фр.).

Отношения между нами можно уподобить не взаимному пониманию, а, скорее, отталкиванию и недоразумению. Собственно говоря, я не отношусь к ней никак: мои отношения чисто духовного характера, все равно что никакие!

Такая система отношений имеет, однако, большие преимущества. Если б я явился галантным кавалером и стал ухаживать за нею, я сразу бы навлек на себя подозрение, а затем и сопротивление – теперь я избавлен от этих неудобств. За мной не только не наблюдают, но даже считают наиболее надменным человеком, которому, в случае надобности, можно поручить наблюдение за молодой девушкой... Единственный недостаток системы – медленность в достижении результата, и ее стоит поэтому применять лишь по отношению к таким личностям, в которых предугадываешь глубокое и интересное внутреннее содержание.

Какая могучая сила обновления – во всем существе молодой девушки! Ни свежесть утреннего воздуха, ни влажная прохлада ветра, ни аромат вина, ни его живительная влага – ничто, ничто не сравнится с ней!

Мало-помалу я подвигаюсь в своих отношениях с ней, перехожу к более прямым атакам. Если изобразить это наглядно на моей военной карте, то выходит это так: я слегка повертываю свой стул в ее сторону, сажусь к ней боком и время от времени вступаю с ней в разговор, выманивая у нее ответы. В ее натуре много горячности и страсти: душа ее свободна от стремления к оригинальности и тем не менее требует чего-то необыкновенного. Она, пожалуй, не прочь была бы прокатиться, как Фаэтон в солнечной колеснице по небесному своду, задевая землю и обжигая людей.

Фаэтон – известный персонаж древнегреческой мифологии, который управлял солнечной колесницей.

Корделия занимает меня почти чересчур сильно. Я опять как будто теряю хладнокровное равновесие чувства – не лицом к лицу с ней, а в те минуты, когда остаюсь с ней наедине в строгом смысле слова, то есть один с собою. Иногда мне страстно хочется взглянуть на нее – не для того чтобы поговорить с ней, но чтобы образ ее хоть на мгновение рассеял мою нетерпеливую тоску... и я часто крадусь вслед за ней по улице: мне не надо, чтобы она заметила меня, – я хочу только сам насмотреться на нее. Третьего дня вечером мы вышли втроем от Бакстеров; Эдвард по обыкновению вызвался провожать ее, а я, наскоро простившись, кинулся на соседнюю улицу, где ждал меня мой слуга. В мгновение ока я переменил плащ и, обогнув квартал, встретил ее еще раз; она, конечно, не узнала меня. Эдвард по своему похвальному обычаю был нем как рыба.

Да, я влюблен, но только не в обыкновенном смысле этого слова. В противном случае мне пришлось бы остерегаться, так как подобные отношения могут иметь самые опасные последствия – влюбляются ведь, как говорят, только раз в жизни. Впрочем, бог любви слеп, и умный человек может, пожалуй, надуть его, и не раз. Все дело в том, чтобы быть восприимчивым к впечатлениям и всегда сознавать, какое именно впечатление производишь на девушку ты и какое производит на тебя она. Таким образом можно любить нескольких разом, так как в каждую будешь влюблен по-своему. Любить одну – слишком мало, любить всех – слишком поверхностно. а вот изучить себя самого, любить возможно большее число девушек и так искусно распорядиться своими чувствами и душевным содержанием, чтобы каждая из них получила свою определенную долю – тогда как ты охватил бы своим могучим сознанием их всех, – вот это значит наслаждаться, вот это значит жить!

3 июля

Есть много различных средств поразить воображение Корделии и взволновать ее пока еще безмятежное сердце. Я мог бы поднять в нем такую эротическую бурю, такой ураган страсти, который в состоянии был бы вырвать с корнями деревья, и, уж конечно, вывел ее сердце из его тихой пристани, порвав цепи всех якорей, которыми оно так крепко держится за окружающую ее родную почву. Словом, ничего невозможного, и попытка моя увенчалась бы успехом. Если в сердце девушки зажглась страсть, можно довести ее до чего угодно. Но подобные приемы совсем не в моем вкусе. Как чистый эстетик я вообще не люблю головокружения и могу посоветовать применять это средство лишь по отношению к таким девушкам, которые иначе неспособны ни на какое поэтическое возрождение. Во всех же других случаях сильная экзальтация девушки может только лишить мужчину истинно эстетического наслаждения. Применив это средство к Корделии, я бы в несколько глотков осушил до дна чашу наслаждения, тогда как при другом, более разумном образе действий мне хватит ее надолго, да и само наслаждение будет куда полнее и богаче содержанием. Корделия не создана для минутного опьяняю-

щего наслаждения, и этим ее не покорить. Мой внезапный взрыв, может быть, ошеломил бы ее в первую минуту, и больше ничего: это было бы слишком в унисон смелым порывам ее собственной души. Простое предложение руки и сердца и затем официальная помолвка будут, пожалуй, самыми действенными средствами. Она будет поражена куда сильнее, услышав это прозаическое предложение, нежели впитывая яд моего красноречия и прислушиваясь к биению своего сердца в такт другому.

Самое несносное в официальной помолвке – ее этическая подкладка. Этика, по-моему, одинаково скучна и в науке, и в жизни. Ну как же сравнить, в самом деле, этику с эстетикой? Под ясным небом эстетики все прекрасно, легко, грациозно и мимолетно, а стоит только вмешаться этике, и все мгновенно становится тяжеловесным, угловатым и бесконечно скучным.

Этика, в отличие от эстетики, является рациональной системой, поскольку она стремится охватить реальность и объяснить ее. Эстетика построена на чувственных наслаждениях, на мгновениях, случае, как и сама жизнь, согласно Кьеркегору. Эстетика и этика представляют собой у Кьеркегора два разных способа познания действительности, две модели мира, предшествующие религиозному способу познания как высшему.

Помолвка, впрочем, не страдает еще той строгой этической реальностью, как самый брак, она имеет значение лишь *ex consensu gentium*³⁴; этического элемента в помолвке содержится лишь столько, сколько нужно, чтобы Корделия получила впоследствии ясное представление о том, что переходит границы обыденной житейской морали, и в то же время этот этический элемент не носит такого серьезного характера, чтобы произвести опасное потрясение души. Что же до меня, то я всегда питал ко всему этическому большое уважение и держался от него на самом почтительном расстоянии. До сих пор я еще никогда не бросил ни одной девушке даже самого легкого намека на брак; теперь я, по-видимому, готов сделать эту уступку. Но эта уступка лишь мнимая: я сумею повернуть дело так, что она сама возвратит мне слово. Вообще же рыцарская гордость с презрением отвергает всякие обязательства и обещания. Судья, выманивающий признание у преступника обещаниями прощения и свободы, достоин в моих глазах одного презрения, он как бы сам признает свою несостоятельность. Я не желаю обладать ничем, что не будет отдано мне вполне свободно и добровольно. Пусть заурядные обольстители довольствуются рутинными приемами; по-моему же, тот, кто не умеет овладеть умом и воображением девушки до такой степени, чтобы она видела лишь то, что ему нужно, кто не умеет покорить силой поэзии ее сердце так, чтобы все его движения всецело зависели от него, тот всегда был и будет профаном в искусстве любви! Я ничуть не завидую его наслаждению: он профан, а этого названия никак нельзя применить ко мне. Я эстетик, эротик, человек, постигший сущность великого искусства любить, верящий в любовь, основательно изучивший все ее проявления и потому взявший право оставаться при своем особом мнении относительно ее. Я утверждаю, что любовная история не может продолжаться дольше полугода и что всякие отношения должны быть прекращены, как только наслаждения исчерпаны до дна. Я убежден в справедливости своего мнения, так же как и в том, что быть любимым больше всего на свете, беспредельной пламенной любовью – высшее наслаждение, какое только может испытать человек на земле.

³⁴ По общему представлению (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.